

**ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК
СОВЕТСКОЙ ЮСТИЦИИ****№ 45**

С приложением „Судебная практика“
(приложение выходит 2 раза в месяц).

К настоящему номеру приложена
«Судебная Практика» № 21.

21 Ноября 1929 года

КО ВТОРОМУ СОВЕЩАНИЮ МЕСТНЫХ СУДЕБНО-ПРОКУРОРСКИХ РАБОТНИКОВ.

Основные задачи органов юстиции в нынешнюю эпоху успешного выполнения плана «великих работ» определяются условиями обострения классовой борьбы, необходимостью давать быстрый, четкий, решительный отпор всем попыткам классовых врагов срывать строительство как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. Отражать явные и маскированные вылазки классовых врагов, пресекать всякие попытки разложившихся элементов из социально-близких пролетариату слоев мешать социалистическому строительству, обеспечить надежную охрану интересов как государства в целом, так и каждого отдельного трудящегося, в первую очередь тех из них, которые на самом низу—в деревне, на фабрике и заводе—зачастую становятся первыми жертвами оголтелой ненависти классовых врагов,—вот чем в основном определяются задачи органов юстиции на нынешний отрезок времени.

Проверка опыта новых форм и методов работы, приспособленных к нынешним темпам, раз-
работка и проверка того, в какой мере органы юстиции перестроились для выполнения этих задач,
является основным содержанием 2 совещания местных судебно-прокурорских работников.

Особое значение поэтому приобретает опыт постановки на Всероссийском совещании докладов
Уральского областного суда и прокуратуры с докладом Комиссии НКЮ, производившей там ре-
визию, ибо этот практический, конкретный опыт крупнейшей области, сочетающей промышленное
строительство с большими задачами по сельскому хозяйству, должен помочь выявить общие узкие
места в нашей работе, перенести наиболее ценные опыты из одной области в другую.

Одним из вопросов, в который непосредственно упираются все стоящие перед органами юстиции
задачи, является вопрос о кадрах, вопрос о их подготовке, переподготовке, о выдвижении новых
рабочих от станка на этот сложный, требующий большой политической чуткости и классовой бди-
тельности, участок работы.

Вопрос о кадрах несомненно должен занять одно из центральных мест в работе Совещания, ибо
вопрос о людях, о человеческом материале является вопросом качества темпа нашей работы.

Вопрос о «революции» в работе органов юстиции, которая должна была наступить после
XV Партийного Съезда, получил конкретное воплощение в целом ряде серьезнейших изменений ос-
новных форм и методов работы. Организация примирительных камер при сельсоветах и товарище-
ских судов на фабрично-заводских предприятиях, расширение подсудности народного суда, передача
кассационной функции на места, отмена коротких сроков лишения свободы и организация принуди-
тельных работ, новая система и методы в исправительно-трудовом деле, перестройка работы всей
прокуратуры по новым методам,—участие прокуратуры в борьбе с разгильдяйством, подрывом тру-
довой дисциплины на предприятиях, организация общественности в деревне, новый тип участия про-
куратуры в основных решающих политических кампаниях,—все это является уже конкретным пере-
ходом партийных директив на судебно-прокурорский язык.

Проверка этих конкретных методов работы под углом зрения тех задач, которые стоят перед
органами юстиции в настоящий отрезок времени, на этом совещании даст результаты при том усло-
вии, если в условиях развернутой самокритики будут беспощадно вскрыты все недочеты и ошибки,
имеющиеся в работе органов юстиции сверху до низу. Поставленные в повестку дня Совещания самые
основные вопросы дают полную возможность развернуть надлежащую самкритику и выработать те
деловые предложения, которые обеспечат органам юстиции возможность занять подобающее им место
во всей системе общей напряженной работы по социалистическому строительству.

Правый уклон в уголовно-судебной практике.

При решительном курсе партии в борьбе с кулако-напмановскими слоями города и деревни, от органов суда и прокуратуры требуется значительное усиление темпа и напряженности всей работы в деле проведения революционной законности, улучшения и упрощения методов работы и проведения четкой классово-выдержанной линии, особенно в судебной политике.

Кимрский округ отличается от остальных округов Московской области особым развитием кустарных промыслов, в нем широко развито применение наемного труда и развита практика торговли землей как в открытой, так и скрытой формах. Здесь классовая борьба выливается в особенно яркие формы и идет усиленное наступление кулаков на передовую сознательную и активную часть интеллигенции, о чем свидетельствуют прошедшие 5 уголовных дел о травле учителей на протяжении 4—5 месяцев. Идет наступление и на актив бедноты, батрачества и середняцкую часть деревни. Здесь особенно часто встречаются случаи полного сращивания руководителей советского, профессионального и кооперативного аппаратов с кулако-напмановскими слоями.

Все это требует от судебно-следственных и прокурорских органов максимально твердой, четкой и жесткой карательной политики в отношении этих лиц нашего аппарата, не взирая на лица, а также и наших классовых врагов.

Однако, в практике судебных органов Кимрского округа имели место ярко выраженный правый уклон и примиренчество, резкое искажение классовой линии в карательной политике, медленность и волокита, формально-бюрократический подход при разрешении дел, особенно связанных с классовой борьбой, и слабость связи с трудящимися массами города и деревни.

Некоторые народные судьи округа при разрешении ряда дел, имеющих политическое значение, не уясняли степени опасности совершенного преступления, а также личности преступника, и подходили к ним весьма поверхностно, а подчас и примиренчески.

Чтобы не быть голословным, приведем ряд примеров правой судебной политики:

1. Дело по обвинению кулака, крупного эксплуататора, лишенца Колединского по ст. 133, ч. 2 УК, который систематически и злобно нарушал КЗоТ в отношении 3 рабочих—суд его оштрафовал только на 50 руб.

2. Владелец посадной мастерской в гор. Кимрах, где было свыше 3-х чел. рабочих, систематически нарушал трудовое законодательство, оштрафован на 100 руб.

3. Братья Захаровы держали по найму рабочих и кроме этого имели учеников, которых заставляли работать по 14 часов в сутки, игнорировали в полной мере КЗоТ—осуждены нарсудом 1 уч. к уплате штрафа в 50 руб.

4. Содержатель заготовочной мастерской Растепин, имел наемных рабочих от 6 до 8 чел., в отношении всех злобно нарушал трудовой закон, нарсудом 1 р-на приговорен к 35 руб. штрафа.

5. Владелец чайной, кулак, лишенный избирательных прав, бесчеловечно эксплуатировал батрачку Крылову, заставлял ее работать по 16 час. в сутки, дней отдыха не давал, в революционные праздники

заставлял работать, мыть полы и посуду в чайной, держал батрачку в антисанитарных условиях, спала в сырой комнате (кладовой), заваленной ящиками и бочками—нарсуд 5 уч. приговорил эксплуататора только к 10 руб. штрафа.

6. Содержателя водяной мельницы кулака и лишенца Гаврилова тот же суд за такие же нарушения подвергнул штрафу в 25 руб.

7. Обвиняемую Сотникову по ст. 133, ч. 1 УК и Макляева по той же ст. приговорил условно.

8. Б. помещику Кригер удалось взять в аренду свое б. имение, где у него работали 2 батрачки, кормил он их хуже своих собак, держал в адски-скверных условиях. Несмотря на то, что на суде было доказано преступление, суд поверил на слово эксплуататору и вынес в отношении его оправдательный приговор, который потом был УКО отменен.

9. Кулак Малиев Макарий имеет крупное сапого-валяльное производство, где эксплуатировал наемный труд, в целях обхода трудового законодательства он раздавал работу «квартирникам» на дом и нарушал правила КЗоТ—нарсуд 6 уч. его подвергнул штрафу только в 100 руб.

10. Дело по обвинению Соколова, Ивана, по ст. 133, ч. 2 УК. Соколов имеет собственный завод по изготовлению валяной обуви, где эксплуатировал до 20 рабочих. Кроме того, на него работает не установленное количество кустарей-квартирников, при этом никакие правила КЗоТ не соблюдаются.

На ряду с этим он же имел на ст. Колпино Окт. ж. д. валяльную мастерскую, где также эксплуатировал 3-х рабочих и в отношении их нарушал КЗоТ. Сам он является крупным кулаком-лишенцем. Суд его оштрафовал только на 200 руб. Соколов остался очень доволен этим приговором и жаловаться не стал.

11. Дело по обвинению Конорова, Ивана, по ст. 133, ч. 2, УК. Коноров—кулак, лишенный избирательных прав. Владелец сапого-валяльной мастерской с механическим приспособлением, нарушал КЗоТ в отношении 5 рабочих, суд его приговорил к штрафу в 200 р.

12. Дело по обвинению Мutowкина по ст. 133, ч. 2 УК. Мutowкин имеет крупное хозяйство, кроме этого имеет валяльное производство, где эксплуатировал от 5 до 8 рабочих. В отношении их всех нарушал КЗоТ. Суд этого паука приговорил к штрафу в 150 руб. Он, не дожидаясь вступления приговора в законную силу, «любезно» внес штраф сам в кассу ВИК'а.

Отмечен также ряд случаев в судебной практике вынесения штрафов за нарушение КЗоТ на сумму в 5 и 3 рубля.

Чем же объясняется такая «мягкость» судебных органов?

Выясняем, что некоторые судьи прямо говорят, «а у них и взять нечего, все описали за недоимки по налогам», а некоторые более откровенные прямо заявляют, что «стоит ли на них особенно-то нажимать», а есть и такой сорт людей, как, например, тов. Прякина (нарсуд 5 уч.)—она со всей откровенностью на заседании райкома заявила, что «если много оштрафуешь наемателя, то он может выгнать батрачку, а мне ее жаль» (относится к делам Рассадина и Крылова).

Как назвать такую политику, если не прямым примиренчеством с классовым врагом, если не чистейшим правым уклоном в судебной практике?

Хитрые кулаки в деревне, а напманы—в городе, чтобы только избавиться от уплаты налога, чтобы побольше «заработать», а поменьше уплатить государству, прибегают ко всевозможным ухищрениям.

Для этой цели классовые враги прибегают к «созданию» артелей, в которые «объединяют» своих родственников, членов семьи, таких же лишенцев под видом «трудового объединения», начинают работать, а на самом деле хозяйствует всякий сам по себе.

Есть и такой способ: предприимчивые торговцы и эксплуататоры вербуют наемных рабочих, а чтобы избежать трудового занодательства и ускользнуть от налогового пресса—они «делают» их всех членами артели и выправляют коллективный патент. На самом деле хозяином является один предприниматель.

Так вот казалось бы к такому элементу меры судебного воздействия должны применяться самые суровые и судебная политика в отношении их должна быть классово-твердой и выдержанной. Но... но на практике получается наоборот. Приведем несколько из многих примеров:

1. Обвиняемый Дурнов, крупный Кимрский торговец, который имеет собственный дом в гор. Кимрах и кулацкое хозяйство в деревне, где работает его отец. Дурнов задолжал Окрфо госналога около 5.000 руб., с целью уклонения от платежа он закрыл торговлю, а кожаный товар припрятал, припрятал также и 7.059 руб. денег.

Во время обыска жена Дурнова схватила припрятанные деньги 7.059 р., находящиеся в газетном свертке, и хотела с ними скрыться, но была уже на улице задержана.

Оба были привлечены к уголовной ответственности по ст. 169 ч. 2 УК.

Нарсуд 1 уч. в первый раз приговорил Дурнова к лишению свободы на 1½ года, а его жену на 1 год принудработ, но от конфискации освободил, конфисковано только почему-то 3.500 р., а остальные припрятанные суммы 3.559 р. и 70 пудов кожсырья и 5 подопленных кож оставил ему, видимо, для «развода». Этот приговор УКО окрсуда был отменен, при новом рассмотрении суд приговорил к той же мере соц. защиты, приговор он дополнил лишь конфискацией одного дома, но кожаный товар почему-то оставил опять Дурнову, даже из денег конфисковал только 877 руб. УКО также отменило этот приговор и окрсуд был вынужден его принять к своему производству.

В частной беседе один из нарсудей, рассматривавший это дело, сказал: «Уж если вы нападете на кого, так и рады доканать до конца, а второй судья, говорил что «взять-то у него больше нечего». (!!).

2. Группа торговцев: Хорьков, Коротков и Платов также были признаны виновными по ст. 169, ч. 2 УК и приговорены к 1 г. 6 м. лишения свободы, но о конфискации имущества (один имеет два дома, второй—упаковочную мастерскую) суд совершенно не подумал, оставив их, видимо, для того, чтобы «не разорять до конца».

3. Братья Федотовы не уплатили налога государству больше 3.000 руб., а описанное имущество на сумму 2.199 руб. растратили—нарсуд их оштрафовал—одного на 200 руб., а остальных на 100 руб.

4. Торговец Шранцев задолжал государству около

2.000 руб. налога, часть своего имущества растратил, а часть припрятал, за что и был осужден только к 3 мес. лишения свободы, но о конфискации имущества речи не было.

В судебной практике встречаются также дела по обвинению должностных лиц в злоупотреблении властью, выражающейся в «смычке» с частниками, в снабжении частного рынка дефицитными товарами, в облегчении кулакам и торговцам налогового обложения, ходатайствах о восстановлении лишенцев в избирательных правах и т. д.

Посмотрим как рассматриваются эти дела нашими судебными органами. Вот примеры:

1. Ответственный буфетчик Кимрского окружного дома крестьянина, Балясов, длительное время снабжал дефицитными товарами частного торговца, который имел свою лавочку в нижнем этаже дома крестьянина. Нарсуд приговорил его по ст. 109 УК к 1 г. 6 м. лишения свободы, но губсуд «сжалился» над ним и понизил меру соц. защиты до 6 мес. принуд. работ.

2. Сухов был торговец, но почему-то не лишен избирательных прав, пролез в сельсовет. Будучи членом сельсовета и членом лесной комиссии, при распределении леса допустил ряд злоупотреблений: обделил бедноту, требовал с нее по 2 коп. с вершка на «организационные» расходы, а того, кто отказывался платить, грозил лишить леса. Таким образом, собрал 90 руб., на которые отчета не представил. Кроме того, собирал незаконно еще по 60 коп. Зажиточных наделял лесом без их просьбы и нужды. Нарсуд его оправдал.

Наконец, необходимо остановиться еще на некоторых делах, связанных с классовой борьбой в деревне, а также и на тех делах, где обвиняемые являются деклассированными элементами, и на проводимой судами в отношении этих лиц карательной политике.

1. Дело по обвинению Холина, Алексея, по 90 ст. УК. Холин—бывш. лесопромышленник, лишен избирательных прав, оштрафован на 25 рублей, тогда как он не подчинялся постановлению земельного общества и сельсовета. Суд не учел классово-чуждой личности Холина. Ясно, что мера социальной защиты не соответствовала содеянному.

2. Дело по обвинению Голубева по ст. 76 УК. Обстоятельства дела: в д. Поречье производилось землеустройство, где нарезалась для вновь организуемого колхоза земля. Часть лиц—кулаки и подкулачники, недовольные тем, что лучшая земля передается колхозу—повела агитацию против землеустройства. Наиболее ярким противником землеустройства был обвиняемый Голубев, который, напившись пьяным, нанес землемеру Смирнову ряд оскорблений и даже грозил его избить, в чем он признал себя виновным. Однако, на суде он подобрал свидетелей «из своих» и создал против землеустроителя ложное обвинение, что, якобы, он незаконно дал одному гражданину две усадьбы, нарсуд под председательством нарсудьи Зиновьева, не видя классовой борьбы и не чувствуя политической подкладки этого дела, хулигана Голубева оправдал. Этот приговор губсудом отменен, и дело передано к следователю.

3. Дело по обвинению Шорниковых, Василия и Федора, и Ермакова, Ивана, по 74, ч. 2 ст. УК. Обвиняются эти в том, что Шорниковы, будучи лишены избирательных прав, как торговцы, 23/1 с. г., напоив пьяным гр. Ермакова, подговорили его сорвать собрание по пе-

ревыборам советов. Это им удалось. Пьяный Ермаков явился на собрание с выкриками и руганью, кричал, с инструкцией в руках, что собрание проводится неправильно. В результате уполномоченный по перевыборам вынужден был собрание прервать. Незадолго до его прихода с той же инструкцией на собрание явился сын Шорникова—лишенец и просил разрешения оставить его на собрании. Народный суд по приговору от 28/V с. г. приговорил Ермакова к принудработам на один год, а Шорниковых оправдал, дело слушалось в отсутствие Ермакова. По материалам дела ясно установлено, что Ермаков проводил политику кулаков Шорниковых, которые оправданы, и действовал под их руководством, дал инструкцию ему Шорников, Федор. Оправданы кулаки явно неправильно.

4. Дело по обвинению Наумова и Ручкина по 1 ч. 83 ст. УК. Ручкин приговорен судом к уплате 146 р. (трехкратный размер причиненных лесничеству убытков), Наумов—к принудработам на один месяц. Приговором суда установлено, что Ручкин, неоднократно судившийся по 62 и 133, ч. 1 ст. УК, крестьянин-кулак, валяльщик, платит налогу 290 р., лишенец, в 1928 г. производил постройку дома и у него не хватило 2 балок, нанял бедняка Наумова за 20 р. произвести порубку. На это последний согласился и спилил два дерева, но лошадь его была не в состоянии свезти деревья, тогда Ручкин нанял еще две подводы и лес был привезен к его дому и употреблен на постройку. Суд подошел к этому вопросу черезчур формально и применил к кулаку Ручкину меру соц. защиты в явном несоответствии с содеянным, а к бедняку, наоборот, применил меру без учета совершенного преступления и того, что его нужда и малограмотность были использованы кулаком-лишенцем.

5. Аникины и др. в числе 10 чел. преданы суду за то, что в религиозный праздник «успенье» 28 и 29 августа с. г., совершили хулиганские действия: нанесли побои как частным лицам, так и общественным работникам, издевались над бедняком Фуренковым, нанесли побои члену налоговой комиссии Воронцову, члену ВЛКСМ Баранцеву и др. и даже избили 13-летнюю девочку, нанесли побои и оскорбления бедняку, который со значком сельисполнителя просил прекратить драку и пришел защитить свою мать. Подсудимые били железными тростями и действовали под руководством кулака Аникина и его сыновей, группой свыше 10 чел.

Делу не придано особого значения, хотя в нем ярко проявилась классовая борьба в деревне, и несмотря на то, что беднота того района требовала применения суровых мер и взятия под стражу главных виновников.

6. Салтыкова содержала чайную в антисанитарных условиях, за что она привлекалась к ответственности в административном порядке 3 раза. Однако, на Салтыкову это не подействовало и она была за это привлечена в четвертый раз уже в судебном порядке. Нарсуд это дело по нецелесообразности (ст. 6 и 8 УК) прекратил производством.

7. Назаров—крупный торговец повышал цены на дефицитный товар и не выпускал его на рынок. Суд признал его виновным и приговорил к 1 г. лишения свободы с конфискацией скрытого товара и дополнительно подвергнул штрафу в 50 р., но в конечном итоге применил к торговцу ст. 53 и лишение свободы назначил условно.

8. На суде было установлено, что кулак-лишенец Кукушкин в пьяном виде явился в мастерскую Чернышевской пошивочной артели, где мешал работать, и на просьбу заведующего Абрамова оставить помещение уйти отказался, его пришлось вытащить силой, но спустя некоторое время он снова явился и был вторично выведен, по хулиган снова явился. Тогда председатель артели направился в правление, куда пришел гр. Кукушкин, он схватил председателя за грудь, но последний вырвался и бросился бежать, Кукушкин побежал за ним вдогонку и бросил в него бутылкой. В тот же день он бросил пустой посудой в мальчика и разбил ему голову. Нарсуд приговорил Кукушкина к 3 мес. лишения свободы условно.

9. Киселева является крупной торговкой железоскобяными товарами. В то же время она занималась сводничеством и содержала притон разврата с целым «штатом» проституток, которые у нее на квартире пьянствовали. Киселева, кроме того, вовлекала в проституцию безработных женщин, нуждающихся в деньгах. Киселева приговорена только к 4 мес. лишения свободы. Любопытно, что суд сначала назначил конфискацию имущества у Киселевой, а затем, видимо, сжалившись над ней, конфискацию отменил.

Приведенные примеры и факты с достаточной полнотой характеризуют бесхребетность и полную беспринципность отдельных нарсудей, которые не только не уяснили в достаточной мере поставленных перед ними задач, но и не стремились, видимо, их уяснить и проводить в жизнь.

Все приведенные случаи, а подобных им еще больше, были выявлены во время ревизии и обследования нарсудов окружным судом.

Бюро Кимрского окружкома ВКП (б), заслушав доклад окружного суда, признало в некоторых нарсудах округа наличие ярко выраженного правого уклона и искажения классовой линии в судебной политике по уголовным делам.

В то же время бюро окружкома отметило правильность линии, взятой со стороны настоящего состава окрсуда и окрпрокуратуры в деле вскрытия и выпрямления искривленной классовой линии в работе судебно-следственных органов.

В дальнейшей работе окружком указал окрсуду и окрпрокуратуре на необходимость обратить внимание на следующие задачи:

1. В первую очередь обратить внимание на укрепление самого судебного прокурорского и следственного аппарата, усиление темпа и улучшение качества его работы, изжитие бюрократизма и волокиты внутри аппарата и безусловно четкое проведение классово-выдержанной линии во всей практической работе.

2. Развертывание работы по разъяснению советского законодательства среди трудящихся, в первую очередь среди рабочих, бедноты, батрачества и колхозников. Привлечение большего внимания трудящихся масс к работе суда и прокуратуры, организуя вокруг судебных, прокурорских и следственных работников рабочий актив, воспитывая путем вовлечения в практическую работу новые кадры работников судебного, прокурорского и следственного аппарата.

3. Пятилетний план развития промышленности требует от суда и прокуратуры особо серьезного внимания и тесной увязки в работе с органами РКИ по надзору за выполнением строительных планов и договоров и правильности распределения строительных ма-

териалов, решительной борьбы с расхлябанностью и нарушениями трудовой дисциплины. Со всей жесткостью привлекать к ответственности виновных во вредительстве на производстве.

4. Социалистическое переустройство сельского хозяйства и выкорчевывание корней капитализма в деревне встречает сопротивление кулацких элементов, а неповоротливость и формально-бюрократическое отношение к выполнению основных задач со стороны отдельных работников государственного и кооперативного аппарата тормозит темп развития сельского хозяйства на новых началах. Работа суда и прокуратуры должна быть направлена по пути решительного наступления на кулацкие элементы деревни, срывающие мероприятия по развертыванию колхозного строительства, а также терроризирующие отдельных общественных работников и бедняцко-середняцкие передовые слои деревни.

5. Серьезное внимание должно быть обращено на проведение революционной законности всеми органами в особенности в деревне, в частности при исчислении и взимании сельхозналога, предоставлении указанных в законе льгот за проведение агромероприятий середняцкими и бедняцкими слоями деревни.

6. Развертывающаяся классовая борьба выдвигает перед судом и прокуратурой задачу усиления внимания защите прав батрачества и бедноты, нарушаемых как кулаками, так и в силу бюрократических извращений со стороны отдельных работников государственного и кооперативного аппарата.

7. Учитывая, что без твердой дисциплины и четкой классовой линии всего государственного, кооперативного и торгового аппарата невозможно выполнение пятилетнего плана хозяйственно-культурного строительства, проводить самую решительную борьбу с расхлябанностью в аппарате и должностными преступлениями, уделяя особое внимание привлечению к ответственности за сращивание с классово-чуждым элементом и проявление бюрократизма и волокиты в работе.

8. Еще высокий процент преступности в отдельных районах округа со всей решительностью ставит перед судом и прокуратурой вопрос об усилении надзора за работой органов следствия и дознания, правильным применением нарсудами карательной политики, не допускать перегибов в сторону излишней жесткости приговоров по отношению к случайным правонарушителям из среды трудящихся, в то же время проводить твердую линию в отношении преступников из социально-чуждого класса, а также профессионалов и рецидивистов.

9. Всю работу суда и прокуратуры выносить на широкую самокритику трудящихся путем освещения ее в печати и постановки отчетных докладов на собраниях рабочих и крестьян, бедняков и середняков.

10. Отметить, что в обследованных окреседах нарсудов в работе нарсудей б. Красновой, Прякиной, б. Зиновьева, Майорова, Голубкова и Стрельцова имели место случаи искажения классовой линии и недоучета политического значения по целому ряду дел.

11. Одобрить решению окреседа о привлечении б. нарсудьи Красновой к уголовной ответственности за допущение ею искажения классовой линии и за связь с чуждым элементом и снятие с работы нарсудей Прякиной, Майорова и Стрельцова.

12. За допущенный при рассмотрении дел со стороны нарсудей 1 уч. Голубкова, 7 уч.—Майорова, 8 уч.—Стрельцова и б. нарсудьи 5 уч.—Зиновьева, ныне работающего управделами ф-ки имени «Калинина», резко выраженный правый уклон, материал о них передать в окр. К. К.

13. Предложить окреседе и окрпрокуратуре в дальнейшей своей работе поставить перед собой как основную задачу неослабное и регулярное руководство периферией, проверку выполнения директив партии во всей судебной политике, особое внимание при этом уделяя делам, связанным с наличием классовой борьбы и имеющим общественное политическое значение.

14. Взять решительный курс на выдвижение рабочих и батраков на судебно-следственную работу, предложить орготделу окружкома повести в этом направлении соответствующую работу по созданию для этой цели резерва.

Приняв данную установку работы к руководству, учтя уроки прошлых ошибок, судебно-следственным работникам Кимрского округа нужно взяться за свою работу так, чтобы судебная политика была классово отчеканенной, твердой и выдержанной.

Пора открыть огонь по обнаглевшему классовому врагу. Нужно бросить мягкотелость и «гуманность» в виде оправдательных приговоров и незначительных штрафов. Всех, кто мешает успешному строительству социализма, кто срывается с кулацко-напмановским элементом, нужно карать самым беспощадным и бесжалостным образом, а бюрократов, относящихся наплевательски к выполнению директив партии и правительств, выбрасывать из гос. и коопер. аппаратов, как негодный мусор.

Кимры.

Кудрявцев.

Хлебозаготовки в Сибири и УК.

Действующий в нашем уголовном законодательстве принцип ненаказуемости уничтожения собственного имущества в настоящий момент должен быть поставлен под большой знак вопроса. Затруднения, переживаемые страной в снабжении потребляющих районов хлебопродуктами, яркие проявления классовой борьбы в деревне, сопротивление кулачества и «работа» спекулянтов требуют от нашего законодательства особой революционной гибкости.

Поведение классово-враждебных элементов, попытки сорвать успешное проведение общегосударственных мероприятий,—все это должно встретить решительный отпор со стороны судебных работников.

Возьмем «кусочек жизни»... Темная сентябрьская ночь. Глухая Сибирская деревня. Вспыхивает пожар—горят клады хлеба. Пьяный собственник с злобным восторгом кричит: «Пусть горит, поджигают нас активисты, коммунисты, вот им хлебозаготовки»... Стремления лучшей, сознательной части деревни спасти хлеб шаталкиваются на «право собственности»; собственники бранью, криком, палкой отгоняют от пожарища, не допуская борьбы с огнем... А в помощь «собственности» несутся недвусмысленные крики: «Хорошо бы из этого актива мясо сделать», «нужно их бросать в огонь»...

Если пребывать в кабинетном спокойствии, то здесь налицо, конечно, угрозы—73^й ст. УК и только. А хлеб сгорел, исчезла не частная собственность, а, по нашему

мнению—государственная. Угрозы не получили осуществления, это хорошо; а если бы слово превратилось в дело?

Тогда уже поздно хвататься за более суровую статью, когда нет настоящих советских людей, нет помощников в работе на селе. Мы не впадаем в панику, далеки от нее, но сигнализировать чрезмерную мягкость 73¹ ст. УК, предусматривающей угрозу, считаем необходимым, так же как необходимым считаем и карать «допущение» уничтожения «собственного» хлеба. Не пужно замыкаться в рамки подчас узкого содержания статей Уг. код. и постоянно помнить о существовании ст. 16.

Помнятся слова тов. Крыленко: «Суровый закон, жестокий закон, может быть кровавый закон,—но закон, таким он и должен быть в период классовых боев, когда нужно стать на защиту интересов строительства социализма!».

Пом. прокурора округа *Паршенков*.

Сибирь. Камень.

Органы юстиции—на непрерывную неделю.

Непрерывная производственная неделя в промышленности—одно из тех мероприятий, которое обеспечивает осуществление пятилетнего плана работ социального строительства.

С переходом на «непрерывку» промышленных предприятий, естественно, встал вопрос о переводе на непрерывную рабочую неделю всего государственного аппарата, общественных и кооперативных организаций. Это крайне необходимо для того, чтобы полно и бесперебойно обслуживались культурные и бытовые нужды трудящихся, перешедших на непрерывное производство.

Суд и прокуратура по характеру своей работы относятся к тем органам государственного аппарата, которые в первую очередь должны построить свою работу с учетом обслуживания трудящихся в условиях непрерывного производства.

Приближение суда и прокуратуры к населению—одна из важнейших задач. Эта задача приобретает еще большее значение при непрерывной работе промышленных предприятий.

Сейчас по данному вопросу уже имеется постановление Совнаркома Союза ССР от 24 сентября 1929 г. Совнарком признал целесообразным во всех предприятиях и учреждениях, переходящих на непрерывную неделю, установить рабочую неделю в пять дней (четыре рабочих дня и пятый день отдыха). Кроме того, для учреждений, работающих 6 часов в день, при переходе на непрерывную неделю вводится 7-часовой рабочий день (включая получасовой перерыв).

В виду огромной важности правильного разрешения вопроса о рабочем времени и отдыхе при непрерывной неделе и необходимости учесть при этом мнение и практический опыт широких рабочих масс, Союзный Совнарком признал необходимым передать на обсуждение рабочих собраний, печати, советских и общественных организаций вопросы, связанные с переходом на непрерывную неделю.

Насколько это важно, показывает то, что до принятия Совнаркомом этого постановления, в Наркомтруд было представлено 12 различных вариантов перевода предприятий и учреждений на непрерывную неделю.

Вопрос этот чрезвычайно большой и сложный. Ведь приходится переключать всю промышленность и весь госаппарат на совершенно иной распорядок работы. В условиях работы отдельных учреждений, в частности, органов юстиции, вся сложность вопроса сводится, главным образом, к правильному распределению сил внутри аппарата. Необходимо так расставить отдельных исполнителей, чтобы, во-первых, переход был произведен в пределах существующих штатов, и, во-вторых, чтобы темп работы учреждений не был снижен. Наоборот, при наличии суточного отдыха через каждые четыре рабочих дня интенсивность в работе должна подниматься. Если раньше через 38 часов работы (с получасовым перерывом) был 42-часовой отдых, то при непрерывной неделе через каждые 28 часов работы мы имеем 41 час отдыха.

В этом отношении преимущества на стороне новой системы. Сейчас, при отсутствии всякого опыта, трудно говорить о порядке перехода органов юстиции на непрерывную неделю. Этот вопрос должен быть проработан на местах. В данное время можно сделать несколько общих замечаний по вопросам, которые несомненно встанут при переходе на непрерывную неделю.

Во-первых, органы юстиции должны перейти на непрерывную неделю только там, где имеются предприятия и учреждения, перешедшие или переходящие на непрерывную неделю. Незачем, например, переходить на непрерывную неделю сельским участкам суда и следствия, если они не обслуживают рабочих промышленных предприятий. Здесь только необходимо учитывать особенности деревенского быта, например, базарные дни и т. п. и соответственно этому строить свою работу.

Во-вторых, переход органов юстиции на непрерывную неделю должен быть подготовлен и осуществлен ранее перехода промышленных предприятий. Это позволит сразу же приступить к обслуживанию бытовых нужд рабочих, как только они перейдут на непрерывку.

В-третьих, особое затруднение может вызвать перевод на непрерывную неделю городских участков нарсуда. Мы знаем, что коллегия НКЮ признала неудавшимся опыт территориального объединения городских участков и предложила местам произвести реорганизацию в том смысле, чтобы в крупных промышленных городах камера нарсуда находилась на территории обслуживаемого участка; в небольших городах разрешено сводить участки в одно здание, но с тем, чтобы при этом участковая подсудность была сохранена.

При таком положении в крупных промышленных городах совершенно невозможно перевести на непрерывку камеры нарсуда, которые одиночно расположены на территории своего участка. Однако, это еще не говорит за необходимость сводить все участки в одно здание. Можно ограничиться объединением двух камер в одном здании, расположенном на обслуживаемой территории. При таких условиях не только можно перейти на непрерывную неделю, чередуя дни отдыха сотрудников, но и не отдалять суда от населения. Такое объединение, например, уже практикуется в Москве.

В-четвертых, некоторые затруднения могут быть в работе кассационных инстанций в том смысле, что при ограниченном количестве членов суда не всегда может быть в наличии весь состав. Здесь, очевидно, придется прибегать к плановому привлечению нарсудей к работе кассационных инстанций в дни отдыха членов суда.

В-пятых, гораздо сложнее дело обстоит с непрерывной неделей в участковой камере прокуратуры. При наличии одного помощника прокурора на участок трудно ввести непрерывную неделю. Но и здесь имеется выход. У нас давно существует такое положение, что народный следователь в работе является помощником участкового прокурора, его правой рукой. Народный следователь выступает за прокурора в процессе, он наблюдает за работой органов дознания и инструктирует их, наконец, в отдельных случаях следователи принимают посетителей, являющихся к прокурору. Сейчас в трех опытно-показательных округах (Курск, Челябинск и Армавир) проводится опыт упразднения участковых прокуратур с передачей прокурорских функций ряду органов, в том числе и следователю. При этих условиях несомненно следователь может заменять прокурора в его дни отдыха.

Таковы примерно те вопросы, которые встают при обсуждении порядка перехода органов юстиции на непрерывную неделю. В процессе работы встанет гораздо больше вопросов, но общие усилия работников юстиции несомненно их преодолеют.

Г. Уваров.

Еще и еще раз об арбитражных комиссиях.

Доказывать, что черное—черно, а белое—бело довольно легко, но работа достаточно неблагоприятная. Зря чему доказывать незачем, а слепому не докажешь. Тем не менее мы считаем полезным взяться за эту работу, в связи с вопросом о существовании АК, однако не для того, чтобы убеждать слепых, а для того, чтобы мобилизовать внимание зрячих, которые призваны положить конец упорству «слепых».

Как правило, ежегодно поднимается вопрос о целесообразности дальнейшего существования АК, ежегодно испускаются горы бумаг, чтобы «доказать доказанное», но... «воз и ныне там».

До 1928 г. спор шел, главным образом, между судебными и работниками арбитражных комиссий, можно было предполагать, что мы имеем дело с ведомственным спором: судебники хотят съесть арбитражников, а последние спасают свою «шкуру» (хотя надо сказать, что у работников суда работы по горло и без дел АК). Однако, недавняя дискуссия показала, что спор носит не ведомственный характер, в этом никак нельзя подозревать НК РКК СССР. Последний на основании длительного и детального изучения содержания и методов работы общих судов и АК пришел к выводу, что АК необходимо уничтожить.

Казалось бы делу конец. Однако, прошел год, АК не только существуют, но были приложены все усилия к тому, чтобы расширить их функции, а главное (аппетиты растут) появились проекты создания новых АК, при НКТорге, кооперативных центрах и т. д. Одним словом, каждому ведомству хочется иметь свой суд.

Удивительно ли поэтому, что вопрос об АК вновь встал в порядок дня.

Мы считаем необходимым еще раз заострить внимание нашей общественности на этом вопросе, потому что по нашему глубокому убеждению здесь идет вопрос, во-первых, о сохранении ежегодно нескольких сотен тысяч рублей для социалистического строительства, во-вторых, об уничтожении и упрощении нашего аппарата, а, в-третьих, о создании таких условий, при которых было бы обеспечено укрепление плановой и договорной дисциплины, последнее является чрезвычайно важным в переживаемом нами периоде.

Итак, чем могло бы быть оправдано существование отдельных органов для разрешения имущественных споров между госорганами и предприятиями? Двумя положениями: если эти споры отличаются от обычных споров об имущественных отношениях, и если для разрешения этих споров органы, их рассматривающие, решают их не на основании данных.

Прежде всего следует считать установленным, что регулирование взаимоотношений хозорганов, выступающих на рынке, является регулированием правовым (см. тезисы, одобренные секцией права Ком. академии «Арбитражные комиссии и системы общего суда»). Дальше является также бесспорно установленным, что все дела, рассматриваемые АК, как ведомственными, так и вневедомственными, вытекают из рыночных отношений хозорганов и кооперативных организаций, в отдельных случаях эти дела вытекают из «обрастания» плановых отношений рыночными отношениями. Следовательно, по своему содержанию имущественные споры, разбираемые АК, ничем не отличаются от тех споров, кои разбирают общие суды. Тогда остается второй вопрос, чем руководствуются АК при разрешении этих споров. Попытка работников АК при обследовании их РКК доказать, что они разрешают дела на основании хозяйственной целесообразности, а не на основании закона,—не увенчалась успехом. На примере целого ряда дел, специально подобранных самими работниками АК, было установлено, что к 10 ст. положения об АК они прибегают тогда, когда нормы ГК неправильно ими поняты или же истолковываются формально, а не диалектически, как это делают суды (см. инструктивное письмо Верховного суда РСФСР № 1 1927 г.).

Приводим один из многочисленных примеров¹⁾:

«Дело «Мясoproдукта» и «Сибкрайсоюза». Сибкрайсоюз обязался по договору доставить Мясoproдукту некоторые количества свинины. Он доставил только 67%. Недоставка остального количества свинины объясняется тем, что по заданиям регулирующих органов Сибкрайсоюз обязан был в определенный период времени перестроить свой производственный заготовительный план, прекратить заготовку мяса и сосредоточить все средства и силы на исключительной заготовке хлеба. Арбитражная комиссия при данных обстоятельствах освободила Сибкрайсоюз от ответственности за неисполнение договора».

Настоящее решение выделено во время обследования пред. ВАК ЭКОСО т. Овсянниковым, как типично арбитражное.

Решение, вне всякого сомнения, правильное. Работники АК считают, однако, это решение примером

¹⁾ Радус-Зелькович и Вольфсон. «Арбитражные комиссии и системы общего суда». Юридическое издательство НКЮ РСФСР. Москва. 1929 г.

«своеобразного метода, применяемого АК'ами, метода, для общих судов недоступного. Здесь, по их мнению, сталкиваются договор и план. Договор уступает плану.

Несостоятельность этих суждений совершенно очевидна. Дело не в коллизии договора и плана. Ибо договор является формой взаимоотношений, укладываемой в систему планового хозяйства. Поэтому соблюдение договора чаще всего является средством осуществления плана. Только при буржуазно-правовом взгляде на договор, как на форму самоопределения «свободной» индивидуальной воли, можно противопоставлять эти две формы организации оборота, как друг друга исключаящие.

По существу же в условиях вышеприведенного спора дело обстоит гораздо проще. В момент исполнения договора для обязанного лица—Сибкрайсоюза создались условия, при которых он, не по своей вине, а по объективным причинам (обязательно для него распоряжение подлежащей власти), не мог выполнить своего обязательства. То обстоятельство, что «объективная невозможность» обязана своим возникновением регулирующему воздействию соответствующего органа, отнюдь ничего не изменяет. Ибо надо слишком примитивно понимать ст.ст. 118 и 144 ГК, говорящие об объективной невозможности исполнения, чтоб ограничивать случаи ее применения болезнью обязанного лица, бездорожьем, отсутствием рабочей силы и т. п. элементарными обстоятельствами.

Изложенные соображения заставляют сделать тот вывод, что ничего специфического в методе разрешения настоящего дела нет, что поставленный в правильную юридическую перспективу этот спор мог быть решен только так, как он разрешен. Работники АК, между тем, категорически отрицали применимость к данному случаю ст. ст. 118 и 144 ГК.

Таким образом, ни специфичность самих дел, ни специфичность методов их рассмотрения не оправдывают существования особых органов для их рассмотрения.

О том, что АК являются особыми судами и руководствуются законом, лучше всего подтверждают сами работники АК. Правда, это было до того, как на них повела атаку РКИ. В докладе, сделанном на совещании работников АК, зампред ВАК ЭКОСО следующим образом характеризовал методы работы: «Мы не только хозяйственный орган, а мы орган, который разрешает хозяйственные споры на основании права» (подчеркнуто нами. С. А.) и дальше «с хозяйственного начала большей частью переходим на начало правовое».

Не менее убедительным является наказ по каскационному производству, утвержденный пленумом ВАК ЭКОСО и принятый съездом арб. комиссий РСФСР (см. «ЕСЮ» № 15 за 1926 г.).

Но посмотрим, какие методы специфично арбитражные установлены на будущее время совещанием работников АК 27/IV—28 г.

При разрешении споров АК должны учитывать:

1) Не противоречат ли требования сторон интересам планирования и директивным указаниям соответствующих органов, в частности в отношении цен, накладных расходов и пр.

2) Чтобы при разрешении вопроса о присуждении или отказе в неустойке учитывалось, как отразится невыполнение договора на плановых предположениях.

3) Чтобы сделки, противоречащие директивам плановых органов, не находили себе защиты в арбитражном порядке, а рассматривались по аналогии с «внеуставными» сделками.

Непонятно, почему все это является специфично «арбитражным», а разве общие суды могут разрешать дела без учета перечисленных обстоятельств? Разве установленные твердые цены, накладки и т. д. не обязательны для суда? Достаточно для этого вспомнить 3 ст. ГПК. А плановые задания? Ведь это же общая политика советского правительства, которой суды обязаны руководствоваться всегда, а тем более с 1923 г.—момента издания ГПК, в силу 4 ст. этого кодекса.

Следящему за практикой Верховного Суда РСФСР не трудно убедиться, что постановление совещания работников АК от 27/IV—28 г. является несколько запоздалым, для работников суда такая установка не новая в 1928 г. и притом, исходя из диалектического толкования закона, а не из каких-то особенных «арбитражных» методов работы.

Надо раз навсегда запомнить, что «общие задачи плана, директивы плановых и регулирующих органов и хозяйственная конъюнктура» (из пост. от 27/IV—28 г.) являются частью общей политики нашего правительства, которой обязаны руководствоваться суды.

Следовательно, и здесь, при всех усилиях работников АК доказать и выпятить специфичность работы АК, мы этого не находим.

Остается рассмотреть еще одно обстоятельство, а именно, не обеспечивает ли специфичный подход к рассмотрению дел личный состав АК.

Как известно, личный состав АК состоит из постоянного и переменного состава, вернее штатного и нештатного, наподобие того, как в общих судах заседают постоянные судьи и заседатели. Каков же подбор этих штатных работников? Всюду во главе АК мы видим юристов, а не хозяйственников, притом или б. судебных работников или совмещающих работу в суде и в АК. Это председатели АК, а остальные штатные работники—это в большинстве случаев беспартийные спецы, юристы старой дореволюционной формации. Думать, что они более способны отражать в своей работе «хозяйственную конъюнктуру», чем наши судебные работники, по меньшей мере наивно. Чем же все-таки обеспечивается «хозяйственный подход»? Очевидно, наличием заседателей (нештатные работники) хозяйственников.

Но ведь эти же хозяйственники могут с успехом заседать и в суде в качестве заседателей.

Следует отметить, что специфичный подбор заседателей-хозяйственников не чужд нашему закону (см. ст. 43 Положения о судостроительстве).

Наконец, закон теперь уже знает и специальные хозяйственные сессии суда для рассмотрения дел о несостоятельности кооперативных организаций (пост. ЦИК и СНК СССР от 6/II—29 г. «С. З.» № 11).

Следовательно, личный состав не только не обеспечивает особого «хозяйственного подхода» к разрешению дел в АК, а, наоборот, в некоторых случаях ставит под сомнение возможность проведения правильной политики беспартийными буржуазными спецами. Отдельные же хорошие работники, не совмещающие ныне свою работу в АК и суде, могут быть использованы с успехом на работе в суде.

Но может быть все эти дефекты устраняются благодаря особой связи АК с хозяйственными и регули-

рующими органами? Наоборот, РКИ установила отсутствие этой связи, если не считать формальное представление ежегодных отчетов.

Если ко всему этому прибавить нерациональную постановку работы в АК, медленность в производстве, дороговизну их содержания и т. д., то станет совершенно ясным, что дальнейшее их существование ничем не оправдывается.

Вот несколько данных, установленных РКИ, характеризующих работу АК: средний срок прохождения дел в АК СТО, АК ЭКОСО и АК ВСНХ—108—112 дней, или 3—4 месяца, в отдельных случаях 5—6 мес.

Стоимость производства одного дела в 1927 г. равняется в АК СТО 47 р. 30 к., АК ЭКОСО РСФСР—49 р. 30 к., АК ВСНХ—110 р., а в Верховном Суде РСФСР—12 р. 10 к. В Северо-Кавказской АК расход на 1 дело равен 29 р., а в крайсуде—8 руб.

Средняя сумма расходов на 1 работника в месяц 1927—28 г. по АК СТО равна 191 р., по АК ЭКОСО РСФСР—190 р., АК ВСНХ—200 р., а в Верховном Суде РСФСР—130 руб.

Нагрузка же на одного человека следующая: 1 член АК заканчивает в месяц: по АК СТО—39 дел, по АК ЭКОСО—37 д., АК ВСНХ—10 дел, а один член Верховного Суда—55 дел. Один член Мосгубсуда заканчивал в месяц 12 дел, а член МОАК—30 дел, при этом следует учесть, что подавляющее число дел МОАК не превышает нарсудовской подсудности.

Если пропускная способность не велика, то самое количество дел, поступающих в АК, в некоторых случаях не оправдывает их существование, так как в АК ВСНХ в год поступает всего 200—220 дел меньше, чем в любой участок нарсуда, зато штат работников АК ВСНХ равен 11, а в нарсуде 5 работников (включая и нарсудью). В некоторые же местные АК поступления дел ограничиваются несколькими десятками в год, так в Татарскую АК—85 дел, Вятскую—63 дела и т. д.

Эти цифры не требуют пояснения.

Стоит ли продолжать «представление доказательств» в подтверждение нашей мысли о ненужности и бесцельности дальнейшего существования всяких АК?

Думаю, что нет. Итак еще раз наши предложения:

✓ 1) Необходимо немедленно уничтожить все и всякие арбитражные комиссии.

✓ 2) Все дела передать на рассмотрение в общие суды, обеспечив их рассмотрение с участием нарзаседателей из хозяйственников, при чем дела на сумму до 1.000 руб. могут быть передапы на рассмотрение в нарсуды.

Во всяком случае ведомственные арбитражные комиссии должны быть ликвидированы теперь же.

С. Абрамов.

Как вести работу с народными заседателями.

(Ответ т. Волкову № 38 «ЕСЮ»).

Совершенно не согласна с указанной статьей и полагаю, что такой старый, как указывает т. Волков, вопрос, как работа с народными заседателями, должен был найти совершенно иное отражение в статье практического работника. Т. Нахимсон в своей статье о работе с нарзаседателями правильно поставил вопрос о значении и роли в судебной работе нарзаседателей,

как вопрос большой общественной значимости. Не в добрых пожеланиях и циркулярах дело, т. Волков, сама жизнь выдвигает вопрос о народных заседателях и работе с ними, умелое руководство нарзаседателями со стороны судебного работника обеспечивает нам правильное проведение судебной политики и подготавливает новые кадры судебных работников, которые очень невелики. Вопрос надо ставить так: работа с нарзаседателями есть основная, постоянная работа судьи, это неотъемлемая часть нашей судебной работы, и потому отговариваться перегруженностью не приходится.

Т. Нахимсон указывает, что судья сразу должен поставить заседателя на верную дорогу, познакомить его с делом, его правами и обязанностями, а тов. Волкова смущает это обстоятельство, ему, видите ли, некогда будет давать справки приходящим гражданам. С моей точки зрения это недооценка роли заседателя, это просто непонимание того, для чего существует народный заседатель в советском суде. Ведь если народный заседатель заранее не ознакомится с делом, он не сможет быть помощником судьи в его работе, он не может сам разобраться в деле, и будет действовать так, как ему подскажет судья, который ранее ознакомился с делом и у которого по делу могло сложиться совершенно иное мнение, чем у нарзаседателя, принявшего в суд настроения и наиболее важные вопросы трудящихся масс рабочих или крестьян. Каждый судья обязательно до начала слушания дела (утром или накануне вечером) должен познакомить народного заседателя с делами, назначенными к слушанию, обсудить непонятные для заседателя вопросы, познакомить его с теми законами, которые могут иметь отношение к разбираемым делам. Только таким путем судья может вызвать интерес и участие народного заседателя в работе суда. Судья—это первый учитель народного заседателя на практической работе.

Перехожу к другому вопросу—вопросу об организации нарзаседателей. Тов. Волков считает, что разделение организационного вопроса между советом и судом неправильно. По опыту работы с нарзаседателями в гор. Ленинграде я могу сказать, что только так, а не иначе и может строиться работа с нарзаседателями. У нас в Центральном районе гор. Ленинграда всю работу по организации нарзаседателей ведет секция внутреннего управления райсовета через судебно-правовую комиссию. Все народные заседатели разделены по району на 5 групп, во главе этих групп стоят президиумы под председательством члена совета. Судебный работник-судья входит в состав президиума и имеет возможность участвовать в разрешении всех вопросов. Организационная работа: созыв нарзаседателей, организация кружков и т. д. проводится этим президиумом, а непосредственно на судью возлагается постановка докладов на правовые вопросы, проведение кружков и т. д. Работа с нарзаседателями ведется двумя путями: 1) ежемесячно созываются групповые собрания нарзаседателей, на которых ставятся те или иные вопросы нашего советского права и 2) кружковая работа по предприятиям. На ряде фабрик и заводов у нас организованы кружки из народных заседателей, членов товарищеского суда и желающих—где руководом является судебный работник. Мы не останавливаемся только на этой работе, но там, где имеется большое количество женщин, мы организуем и отдельные женские кружки, учитывая то обстоятельство, что в общих кружках женщины не так охотно занимаются,

как, напр., на 1 госуд. конфетной фабрике им. Самойловой. Правда, эта работа ведется в согласии с районным отделом работников. При такой постановке—никакого разбоя в работе не получается, ибо за работу с нарзаседателями отвечает секция совета и судья, как член президиума группового объединения нарзаседателей.

Растущий со стороны заседателей и актива рабочих интерес к судебной работе, их желание прежде чем идти в суд, получить необходимые знания, говорит за то, что вопрос о работе с нарзаседателями поставлен не случайно и, конечно, не об отдельных статьях нашего закона должны мы говорить с нарзаседателями, а об общих началах нашего советского законодательства.

Нарсудья Л. Левшинская.

Ленинград.

Ограничить просмотр дела.

Существующий ныне порядок судебного надзора уже свое время отжил и все методы работы в области судебного надзора нуждаются в коренной перестройке.

Первым шагом к изменению методов и содержания работы по судебному надзору явились циркуляры НКЮ №№ 81 и 61.

Но нужно сказать, что этими циркулярами коренная перестройка суднадзора все же не произведена. Они лишь до некоторой степени упорядочивают судебный надзор. Система, предполагаемая ими, сводится:

1) к тому, чтобы отказаться от сплошного участия прокуратуры в кассинстанциях и чтобы прокуратура давала заключение по тем делам, где требуется защита интересов государства и трудящихся, и по делам того участка нарсуда, где прокуратура усматривает искажение судебной политики;

2) к изучению отдельных категорий гражданских и уголовных дел с целью проверки соблюдения революционной законности, классовой выдержанности, а также к изучению жалоб, поступающих в прокуратуру для дальнейшего улучшения и направления работы по судебному надзору;

3) все это тем самым приведет к освобождению от той иногда мелочной загрузки прокуроров, что даст им возможность больше внимания уделять в своей работе и улучшить ее качество.

Положительные стороны этого циркуляра совершенно бесспорны. Но, однако, этим еще не исчерпано все то, что следовало бы разрешить.

Существующая практика работы в области судебного надзора, главным образом, заключалась:

1) в выступлениях в судах по делам как в 1-й, так и во 2-й инстанции;

2) в просмотре дел в порядке надзора как по поступающим жалобам, так и по инициативе прокуратуры;

3) в изучении дел как путем истребования целой категории, так и на основе касспрактики;

4) в изучении карательной политики.

Это перечень основных вопросов судебного надзора, существуют, разумеется, и второстепенные вопросы.

Не буду касаться 1-го пункта суднадзора, так как он в основном разрешен циркуляром НКЮ № 61, но считаю нужным остановиться на 2-м пункте—а

именно на вопросе о просмотре дел в порядке надзора по жалобам.

Согласно существующей практике прокуратура по всем поступающим жалобам на неправильность приговора, независимо от категории дел, истребует дело и просматривает его в порядке надзора и или выносит постановление об отказе или приносит протест. Такой сплошной просмотр дел по всем поступающим жалобам, независимо от характера дел, раньше, когда состав судработников был недостаточно квалифицирован, был хорош. Теперь же, когда состав судработников значительно улучшился, этот просмотр дел по всем делам должен отпасть, должно быть проведено некоторое ограничение. Ведь на практике дело дошло до того, что прокуратура механически превратилась в 3-ю инстанцию и, когда сторонам в кассколлегиях объявляют о том, что «определение окончательно и обжалованию не подлежит», то стороны заявляют: «Неверно, а на что прокуратура?». И получилось так, что недовольная сторона, независимо от того, какое дело, тут же пишет жалобу в порядке надзора прокурору. Прокурор же, получив такую жалобу, обязан просматривать дело в порядке надзора и, в то время, как кассколлегия кладет штамп «утвердить», он должен составить мотивированное постановление, если жалоба оставляется без удовлетворения, и в лучшем случае принести протест. Таким образом, время, которое идет на просмотр мелочных дел, тратится непроизводительно за счет ухудшения качества просмотра более серьезных дел. Это бесспорно и скрывать это, при настоящей нагрузке прокуратуры работой, нельзя.

Необходимо поэтому ограничить круг дел, которые можно истребовать и просматривать в порядке надзора. Пока мы еще полностью не организовали сети примкамер при сельсоветах и товарищеских судов на предприятиях, суды еще будут разбирать и более мелкие дела. Поэтому в целях разгрузки прокурора от ненужной и бесплодной работы, мы выдвигаем следующие практические соображения: приговоры нарсудов по делам частного обвинения (1 ч. 146, 159, 161 п. «з» 162, 158, 160, 90, 163, 74 ч. 1), по утверждении их в УКО, являются окончательными и жалобы в порядке надзора по указанной категории дел не принимаются (за исключением клеветы в печати, где обвиняются рабселькоры). Нужно оставить за прокуратурой лишь право, но не обязанность, там, где она считает необходимым встать на защиту государства и трудящихся, истребовать и просматривать такие дела в порядке надзора.

Некоторыми выдвигается другая точка зрения, которая сводится также к ограничению, но не по категории дел, а в зависимости от меры социальной защиты. Но эту точку зрения нужно категорически отвергнуть, так как дело нельзя расценивать в зависимости от того, сколько дал нарсуд, а в зависимости от характера совершенного преступления, личности преступника и опасности совершенного преступления.

Это же ограничение жалоб следует провести и по гражданским делам. У нас есть в практике такие жалобы, где спор идет всего о 5—15 руб. Дела эти нужно разбить на 2 категории:

1) Дела, по которым решения суда 1-й инстанции являются окончательными и обжалованию ни в кассационном, ни в порядке надзора не подлежат. Это решения по искам на сумму до 15 р. (за исключением дел по алиментам и там, где истцом является батрак).

2) Решения по всем искам на сумму до 50 р. По ним допускается подача кассационных жалоб, но дела эти не могут быть истребованы в порядке надзора (за исключением тех случаев, когда истцом или ответчиком является батрак, бедняк, или когда сторожами является, с одной стороны, гос. или общественная организация, а с другой—частник). За прокуратурой точно также должно быть оставлено право, а не обязанность истребования и просмотра этой категории дел в порядке надзора, т.е. по признакам 2 ст. ГПК.

Нам могут сказать, что по уголовным делам этот вопрос разрешается новым проектом УПК, но это несколько не мешает нам сейчас же ввести этот порядок до утверждения нового УПК. Точно также нам могут сказать, что имеется циркуляр НКЮ № 51 о судебном надзоре по гражданским делам, но на это следует ответить, что этот циркуляр не указывает конкретно, по каким делам решения не могут быть опротестованы. Он указывает только, какие дела нужно просматривать.

Если мы проведем эти мероприятия, а провести их надо, и возможно скорей, мы разгрузим прокуратуру от просмотра мелких дел и дадим ей возможность уделять больше внимания серьезным делам.

Кассационным коллегиям нужно, кроме того, запретить ставить на эти дела штампы и обязать их писать мотивированные определения.

Второй вопрос, который мы выдвигаем, это вопрос о том, нужно ли просматривать дела в порядке надзора в том случае, когда прокурор давал уже по делу заключение в кассколлегии. До сих пор, несмотря на то, что прокурор давал по делу заключение, дело все же просматривалось им вторично. Нам думается, что по этим делам жалоб в порядке надзора принимать не следует, так как это сводится к повторению проделанной уже работы.

Зам. окрпрокурора *Садовников*.
г. Пермь, Уралобласти.

Надо расширить функции сельских примкамер и товарищеских судов и оживить их работу ¹⁾.

Прежде всего, по моему мнению, необходимо изменить самое название этих судов, ибо на практике их организации, особенно в деревне, пока не скажешь, что организуем у вас, из вас самих общественный сельский суд, крестьяне никак не могут сообразить, что это за «примкамера» такая. Точно также и в отношении товарищеских судов. Мне заявляли рабочие, что им на производстве нужен «рабочий суд», т.е. суд, который мог бы не только мирить, не только оказывать моральное воспитательное воздействие, но который мог бы и материально ударить по карману зарвавшегося рабочего. А раз товарищеский суд имеет право налагать такие взыскания, то и называть его надо не товарищеским судом, а рабочим судом. Такое название в рабочей среде является более авторитетным.

Далее, в практике работ примкамер и товарищеских судов уже имеются факты превышения своих прав. Например, в госмехзаводе им. т. Никольского в

г. Новочеркасске товсуд начал рассматривать мелкие дела по заявлению местной кассы взаимопомощи. Последняя передала в товарищеский суд большой список своих должников (задолженность от 3 рублей до 20 руб.), среди которых некоторые рабочие не платили уже около года. И стоило товарищескому суду вызвать к себе всех этих должников и объявить им свою резолюцию об уплате в определенные короткие сроки этой задолженности, как все эти должники сейчас же погасили свою задолженность кассе взаимопомощи. Спрашивается, нужно ли мешать такой инициативе товарищеского суда, нужно ли забрасывать народные суды такими мелкими делами? Я считаю, что этого не нужно делать и я, как прокурор, просматривая эти дела, не только не стал опротестовывать их, но даже одобрил такую инициативу товарищеского суда.

Теперь о практике работы примкамер. Они также не могут уже уместиться в тех чрезвычайно узких рамках, которые им пока так «боязно» предоставлены. Почему нельзя принять к производству дело по иску свыше 15 рублей на какую-нибудь паптерку или десятку? Почему нельзя разобрать, например, иск ККОВ'а к своим вечным должникам, членам ККОВ'а, которые никак до сих пор не хотят платить членские взносы ККОВ'у. Почему иски той же потребительской или сельскохозяйственной кооперации на мелкие суммы тоже не разобрать своему сельскому суду (т.е. примкамере)? Я считаю, что если мы будем держать и дальше в таких рамках примкамеры, то, с одной стороны, от них будет мало пользы, а с другой стороны, они вряд ли приобретут на селе тот авторитет, которого мы для них добиваемся.

Правда, надо все же следить и за недопущением головотяпства. Так, например, в станице Кривянской, Донокруга, при обследовании камеры я обнаружил следующее: сельсовет заказал штампы для примкамеры, назвав ее «судебно-примирительной камерой», как для повесток, так и для уголовных и протокольных бланков. Примкамера погрязла в делах: за 2 месяца она разобрала более 150 дел и на производстве у нее оказалось до 60 дел, заведенных в папки, точно так же, как в парсуде, при чем почти все дела касались потрав полей, огородов, бахч и пр. Между ними ярко выделялось одно разобранное дело с написанным большинством решением, которое, как в суде, тоже начиналось: Именем СССР и т. д. По этому решению 15 бедняков и середняков были општрафованы, каждый по 3 рубля (без всякого классового подхода—«все равны перед законом»), за несвоевременную регистрацию посевов. Но самое главное это то, что примкамера постановила: «Штраф обратить в пользу опросных и проверочных комиссий». Конечно, такого головотяпства, такого вмешательства примкамер в деятельность финансовых и административных органов допускать нельзя. Но надо подумать—и быстро—о том, чтобы расширить деятельность примкамер (сельсудов). Я считаю, что по гражданским делам надо сумму иска довести до 50 рублей и предоставить общественным и кооперативным органам право воспользоваться своим местным общественным судом. Но в то же время я считаю необходимым, чтобы была расширена деятельность примкамер и товарищеских судов и в области борьбы с уголовными преступлениями. Почему, например, мелкие кражи не передать в ведение этих судов? Почему не повести таким образом решительную борьбу с той безнаказанностью мелких проступков, кото-

¹⁾ В порядке обсуждения. Ред.

рые совершаются благодаря тому, что эти дела передаются в нарсуды, а последние их пачками прекращают в распорядительных заседаниях, несмотря даже на всегдашние протесты прокурора. Например, большим злом в крестьянском быту является кража кур, гусей и пр., кража снопов хлеба в поле и пр.,—все это как происходило ранее, так и продолжает быть и теперь. А с маленького предмета деревенский вор переходит на крупные кражи или даже грабежи. Надо в конце-концов положить этому конец и так как нарсуд, конечно, не поедет за 40 верст и не станет тягать к себе на такое расстояние свидетелей по таким делам, то единственный выход из этого положения—это передать эти мелкие кражи в ведение сельских общественных судов (примкамер). Точно также мелкие кражи и на производстве до 50 р., случаи нарушений дисциплины надо тоже передать в ведение рабочих судов (тов. судов).

Наконец, я считаю, что уже можно было бы предоставить право распорядительным заседаниям нарсудов передавать известные категории гражданских и уголовных мелких дел (например, хулиганства) в примкамеры и товсуды в случае их несложности.

В. Меркулов.

Новочеркасск

Пробел в Уголовном кодексе.

Социалистическое наступление в деревне, процесс раскулачивания вызвал сильнейшую реакцию со стороны кулака, всеми силами пытающегося удержать за собой свое дореволюционное значение в деревне. Классовая борьба из скрытых, замаскированных форм перешла в форму открытых выступлений против представителей низовой власти, партийных и общественных организаций, бедняков-активистов и селькоров. Необходимость реальной защиты работников партии и советской власти от обнаглевшего классового врага, своевременность постановки этого вопроса в центре внимания органов прокуратуры и суда—очевидна для всех работников юстиции. Одним из доказательств правильности этого утверждения служит не так давно введенная в действие ст. 78¹ УК, предусматривающая угрозы, наносимые советским, партийным и общественным работникам в связи с их служебной или общественной деятельностью. Статья эта решительно порывает с истари существовавшим положением: «угрозы ненаказуемы», т. е. социальная опасность этих угроз (и особенно социальная опасность субъектов этого рода преступлений) достаточно велика.

Однако, введением этой статьи задача решительного отпора кулачеству, пытающемуся дезорганизо-

вать нашу работу в деревне путем воздействия на местные власти и актив, полностью не решена. И вот почему. Совершенно очевидно, что если в УК особо выделены случаи угроз в отношении определенной категории лиц, в связи с их служебной и общественной деятельностью, то тем более должны быть выделены, с усилением по ним ответственности, случаи нанесения тем же лицам и при тех же условиях побоев и легких телесных повреждений. Между тем, соответствующей статьи в УК нет.

В практике же нередки (а в последнее время и очень часты) случаи такого рода насилий над партийными, советскими и профессиональными работниками. Квалификация этих преступлений по статьям 143, ч. 2, и 146, ч. 1, во-первых, распространила бы на них действие ст.ст. 10 и п.п. 2 и 3 и ст. 4 УПК, что никак нельзя допустить в виду их значения. Очевидна также и недостаточность санкций этих статей по сравнению с социальной опасностью этого рода преступлений. Применять в этих случаях ст. 73¹ нецелесообразно по тем же причинам, т. е. «штраф до 300 р. или принудительные работы до 6 мес.», конечно, слишком мягкая мера соц. защиты для приведенных преступлений. Попытки же судов квалифицировать случаи таких насилий, явно не сопряженных с опасностью для жизни или здоровья потерпевших (когда все насилие часто сводится к удару кулаком или палкой), по ст. 58³, хотя бы и через ст. 19, неизбежно кончаются переквалификацией вышней инстанцией. Таким образом, невольно, несмотря на существующие директивы НКЮ и несмотря на требования политической обстановки, карательная политика на местах по такого рода преступлениям неизбежно оказывается слишком слабой. Органы расследования, прокуратуры и суда тщетно ломают себе голову над вопросом, как квалифицировать удар, нанесенный общественному работнику в связи с его общественной деятельностью. Между тем вопрос этот мог бы быть легко разрешен введением новой статьи—73² следующего содержания: «Всякое, неопасное для жизни или здоровья, насилие над представителем советской, партийной и общественной организации, произведенное в связи с его служебной или общественной деятельностью, влечет за собой... и т. п.». При чем, очевидно, что санкция этой статьи должна быть значительно выше санкции ст. 73¹, поскольку и социальная опасность деяний, ею предусмотренных, выше социальной опасности угроз, предусмотренных ст. 73¹.

Введение такой статьи неизбежно внесло бы необходимое единообразие в карательную политику судов и исключило бы возможность вынесения приговоров, по своей мягкости явно не соответствующих социальной опасности этого рода преступлений.

Народный следователь *Мудьюгин.*

Ст. Шенска, Череповец. окр.

ПОРЯДОК ДНЯ 2 СОВЕЩАНИЯ МЕСТНЫХ ПРОКУРОРСКИХ И СУДЕБНЫХ РАБОТНИКОВ 15-го НОЯБРЯ 1929 ГОДА.

1. Доклад об исполнении постановлений VI Съезда работников юстиции РСФСР.
2. Доклад о работе Верховного Суда РСФСР за первое полугодие 1929 года.
3. Доклад о работе Уральского Областного Суда и Прокуратуры и доклад Ревизион. комиссии НКЮ.
4. О плане работ Наркомюста на 1930 год.
5. Информационный доклад о предварительных итогах организации судебно-прокурорских органов в районированных областях и краях.

Реорганизация судебно-прокурорской работы в опытно-показательных округах.

Следователь на селе в опытно-показательных округах.

В связи с упразднением прокурорских участков в опытно-показательных округах и, в частности, в округе Армавирском, народные следователи периферии, в особенности в момент проведения ряда политических кампаний, приобрели особо важное значение.

Они являются постоянным и единственным представителем прокуратуры на селе. На их обязанности лежит, кроме непосредственной работы следователя, а также руководства работой в селе расследовательского аппарата обслуживаемого района,—организация работы массовой; участие во всех проводимых советской властью кампаниях, реагируя быстро на все извращения классово-линей при проведении той или другой работы на местах, удерживая и выявляя активность и сопротивления кулачества, вскрывая всевозможные злоупотребления, расхлябанность и бездействие должностных лиц и т. п., и т. п.

Самый метод работы по сравнению со старым сильно изменился и уже ряд прокурорских функций исполняются следователями, а именно: производится обследование сельско-хозяйственных товариществ с целью установления правильности распределения сельскохозяйственного кредита, предназначенного для бедноты (кооперирования, снабжения средствами производства и т. п.); проверяется состояние задолженности по всем видам крестьянских платежей, путем обследования сельсоветов, кооперативных и других организаций; проверяется работа заготовительного аппарата отдельных пунктов в отношении нормального хода отгрузки хлеба и недопущения его задержек; принимаются меры к выявлению и ликвидации задолженности по госстрахованию и целый ряд других мер.

Однако, наряду с этим, есть и причины, тормозящие работу по существу. Так, по заданию окружной прокуратуры на следователей возложена обязанность собирать по десятидневкам сведения о возбужденных делах, связанных с кампаниями на территории района; при чем сведения эти должны содержать в себе не только даты возникновения и окончания в органах расследования дел и социальную принадлежность привлеченных, но и результат рассмотрения дела в суде.

Ведомость движения дел содержит в себе 33 графы в длину и 7 в ширину и требует указать подробно, сколько конфисковано судом лошадей, быков, коров, тракторов, молотилок, мельниц, строений и т. п.

Понятно неплохо прокуратуре знать сколько в округе конфисковано у кулаков овец, коров и т. п., но ведь обо всем этом на судьи дают сведения окружному суду, а последний—рядом с прокуратурой. Зачем же, спрашивается, следователю бегать из суда в суд и собирать по кусочку сведения, когда все это есть в округе? Уполномоченный ГПУ собирает такие же точные сведения для окротдела, райком—для окркома, РИК—для окрисполкома и т. п. И все пишут об одном и том же, но разным языком и с разными при спешном подсчете ошибками.

Кроме этого, на следователей возложена обязанность с угрозой «вплоть до предания суду самих» собирания для прокуратуры сведений о количестве кулацких хозяйств, оштрафованных за невывоз хлеба; при чем сведения эти должны быть по каждому населенному пункту отдельно с указанием среднего размера штрафа. Где же взять эти сведения следователю? Прокуратура рекомендует брать их в РИК'е. Почему же не получить их прокуратуре непосредственно из РИК'а? А если принять во внимание, что окрисполкому эти сведения дают все РИК'и, то прокуратуре, находящейся по соседству с окрисполкомом, проще получить их от последнего.

Мало того: каждую десятидневку, кроме цифровых данных в 33 графы, следователи должны писать по каждой проходящей кампании литературные сводки о характерных делах, с изложением сущности его положения в движении и т. п.

И еще лучше: на тех же следователей возложено собирание «цифровых сведений о ходе снабжения крестьян семенным зерном, кредитными, оприходованным кооперации, завозе запасных частей, о ремонте машин и т. п. вещах».

Понятно, будь тут хоть гений, а при таком положении он в опытно-показательном округе может превратиться из живого, нового следователя в бездушного кабинетного чинушу.

Надо ведь принять во внимание, что при такой нагрузке следователи работают в самых скверных условиях на селе: нередки еще случаи, когда того же следователя крестьяне встречают шагающим пешком от села до села, за неимением перевозочных средств, или едущим на цистернах «зайцем», за отсутствием права проезда на любом поезде.

Над этим надо кому следует задуматься и очистить поле работы следователя от много ненужного ему и несвойственного.

Ст. Невинномысский.

А. Кабанов.

Что говорят на местах по вопросу о реорганизации судебно-следственных и прокурорских аппаратов.

В связи с реорганизацией в опытно-показательных округах судебно-следственных и прокурорских аппаратов в Армавирском округе, как опытно-показательном, проходят по районам совещания работников суда, следствия, милиции, примкомиссий и товарищеских судов, на которых обсуждаются вводимые в них новшества.

Так, на совещании работников Невинномысского района был заслушан доклад пом. окрпрокурора, осветившего цели и значение передачи примкамерам «частицы государственных прав», а также функции «новых» прокуратуры, суда, следствия и милиции.

В оживленных прениях, открывшихся по докладу, и в частности, по поводу передачи целой категории дел

от судов примкамерам (дела по искам до 25 руб., кражи до 20 руб.), работники последних (примкамер), один за одним повествуя о работе своих комиссий, заявляли: население на местах организацией примкамер довольно, посещает заседания их сотнями, применяемые ими меры социальной защиты вполне удовлетворяют население, с теми делами, которые передапы им на судами, примкамеры вполне справляются. Во всех выступлениях указывалось на крайне незначительный процент обжалования постановлений примкамер, т.е. этими словами авторитет примкамер очень высок.

В отношении организационной стороны работы примкамер на совещании были отмечены следующие недочеты: во многих комиссиях совершенно не оказалось женщин, а в некоторых хотя они и были избраны, но процент их является весьма недостаточным. Почти в каждую комиссию оказался избранным председателем, основной работой которого являлось председательствование в сельсовете, ККОВ'е и т.п. организациях. Частый отрыв по основной работе, а в особенности при проведении ряда кампаний, делает примкамеру «сиротой», а отсюда порождается и волокита в рассмотрении жалоб. Один из председателей примкамеры заявил, что местные органы, зная о том, что он является председателем ККОВ'а, членом сельсовета, членом секции РКИ, имеет нагрузку по партлинии, все же избрали его председателем примкамеры.

Не были избраны заместители председателей, а поэтому там, где оказывался оторванным по другой работе председатель, комиссии совершенно бездействовали. Используются на технической работе и так перегруженные работой секретари сельсоветов и не привлекаются почему-то (в качестве секретарей примкамер) в порядке общественной нагрузки другие культуры.

Следует отметить, что почти каждый из выступавших представителей примкамер сетовал на то, что при рассмотрении некоторых жалоб о кражах, поступивших непосредственно в примкамеру, необходимо было совершать некоторые предварительные действия. А, между тем, милиция отказывает в принятии жалоб о кражах на сумму до 20 руб., хотя бы потерпевший совершенно точно указывал, кого он подозревает, и нужно только принять некоторые срочные меры (обыск, срочные опросы и т.п.). В заседании же примкамеры потерпевшему не всегда удается доказать свои подозрения. Необходимо поэтому соответствующим органам срочно дать местам указания об обязанностях председателей и заместителей председателей примкамер при обращении к ним с подобными жалобами. Нам кажется, что председатели примкамер и заместители их могут пользоваться помощью сельисполнителей, для чего последним необходимо предоставить в таких случаях право производить обыски и выемки.

По вопросу о ликвидации на местах участков камер прокуратуры, совещание отметило, что участковые прокуроры уделяли основное внимание только тому району, где находилась их камера, а остальные районы, входящие в район их обслуживания (а их 2—3), были «пасыпками», и что местные органы, в районе которых проживал уч. прокурор, считали последнего просто «своим».

По вопросу о передаче следователю права непосредственно направлять дела в нарсуды, минуя прокурора, а также и органы дознания, минуя следователя, совещание высказалось положительно. Прежняя фор-

мальная штамповка вроде «утверждаю», «согласен» и пр. признана ненужной и излишней.

В общем в первом пункте своей резолюции работники суда, следствия, примкамер и товарищеских судов Невинномысского района единогласно заявили: «мероприятие, проводимое правительством в отношении реорганизации судебно-следственных и прокурорских аппаратов, признать вполне целесообразным и своевременным, ибо основная цель этой реорганизации есть приближение аппаратов к населению».

А. К.

Как идет реорганизация судебно-прокурорской работы в Челябинском округе.

На нашу долю выпала благодарная задача поставить работу всего судебно-следственно-прокурорско-милиейского «комбината» на началах опытно-показательной работы в соответствии с постановлениями ВЦИК от 10/VII—29 г. и 26/VIII—29 г. об опытно-показательных округах. Коллектив челябинских судебных работников принимал активное участие в предварительной разработке тех проектов изменения действующих правил, на основе которых должна быть построена дальнейшая работа, при чем в основу всего нами было положено достижение следующих целей:

- 1) передачи прав низам (нарсудам, нарследам раймилиции);
- 2) превращения окружных органов преимущественно в органы, инструктирующие и руководящие (инспекции);
- 3) большего привлечения общественности в работу суда, прокуратуры;
- 4) максимального упрощения всей нашей работы.

1. С 1 октября мы провели в жизнь правила о новой подсудности. С этого момента все уголовные и гражданские дела за исключением тех, по которым предусмотрена высшая мера социальной защиты, поступают непосредственно в нарсуды. Этот шаг является завершением той политики ИКЮ, которая проводилась на протяжении последних лет по расширению прав народного суда, как основной ячейки судебного аппарата. Исключительно ответственная задача вышестоящих органов суда и прокуратуры заключается в объективном учете этого опыта для того, чтобы дать по истечении известного периода времени всесторонний анализ качества работы нарсуда и заключение о возможности превращения этого опыта в правило для всей РСФСР. Конечно, этот опыт увязывается с целым рядом условий: и улучшения расследования и улучшения качества работы самих кассколлегий.

2. С этого же времени проведены новые правила кассационного и надзорного производства. Не принимаются кассационные жалобы по гражданским делам с исками до 100 рублей и по уголовным делам, по которым обвиняемые осуждены на срок до 3-х месяцев лишения свободы, или принуд. работ. Также строго ограничен прием жалоб в порядке надзора, подлежащих рассмотрению окрпрокурора (гражданские дела на сумму свыше 100 рублей и уголовные с приговорами на срок свыше 3-х месяцев лишения свободы или принуд. работ) или пред. окрсуда. Рассмотрение дел в кассации производится заочно, без вызова сторон, за

исключением тех дел, по которым возможно повышение мер соц. защиты. Пока что таких случаев еще не было. Допущено участие в кассколлегиях в качестве 3-го члена парзаседателей.

3. Оксуд в нашем округе остался в числе 4-х человек ответственных работников: председатель и 3 члена (технический аппарат слит с прокуратурой). При таком положении напрашивается мысль об упразднении вывески пленума. По крайней мере, как некое «юридическое лицо», пленуму делать уже нечего, ибо надзорная практика в районированных местах еще ранее была передана в соответствующие кассколлегии обл. и краевых судов. Нам сдается, что вместо пленумов можно просто практиковать регулярные совещания судебно-прокурорских работников с введением в оксуде такого же единоначалия, как и в прокуратуре.

Что же касается вопросов руководства парсудами, например, на основе произведенной ревизии, по докладу парсудьи и пр., то и прокурорам полезно будет принять в этом деле активное участие, тем более, что «голосовать» обычно не приходится по этим вопросам и прокуратура ничего не потеряет в чистоте своего «надзорного» и «совещательного» положения.

То, что мы предлагаем здесь в качестве дискуссионного, правда, положения, отнюдь не означает создания единого президиума оксуда и прокуратуры. Это излишне—мы и против пленума и против такого президиума.

4. Чрезвычайно большое политическое значение в реорганизации нашей системы имеет организация товарищеских судов. Нам казалось, что на это дело мы пошли смело, по крайней мере, наметили организацию товарищеских судов на всех основных предприятиях города. Но жизнь и массы внесли свои поправки, и в процессе организации товарищеских судов мы должны были увеличить их количество. Например: на Копях (по добыче каменного угля), где работает около 4.000 рабочих, намечали 3 тов. суда при объединенных завкомах. В процессе работы рабочие и организации (райком, профсоюз, поселковый совет) потребовали создания товарищеских судов при каждом шахткоме, в количестве 9. Пришлось пойти на это. Организация этих судов проведена с широким привлечением масс; собрания проходили активно, интерес к этому новшеству проявлен рабочими большой.

5. Также активно проходила организация примирительных камер при сельских советах. Организованы они ныне при всех сельсоветах. Имеется уже кое-какой опыт работы. Кое-где наблюдается формализм, неуклюжее подражание парсуду—как общее правило это там, где камеры были плохо проинструктированы. Местами имеется недооценка этих, вновь пародившихся, органов со стороны сельсоветов, отказывающих им в чернилах, бумаге и пр. необходимых предметах. За этими и др. неизбежными шероховатостями в работе, нельзя все-таки не отметить растущего значения прим. камер. По нашим данным, из парсудов должно отойти к примкамерам и товарищеским судам от 30 до 40% нагрузки парсудов. Основная и ответственнейшая задача на ближайший период заключается в строгом подборе личного состава этих комиссий и проведении в них правильной линии. Не исключена возможность, что кулак попытается использовать эти органы, если не сам, то через подкулачника и попытается проводить «свою» линию—антисоветскую. Это тем более опасно, что подсудность прим. камер достаточно широка и

злободневна, хотя бы уже потому, что ей подсудны и батрацкие иски до 20 руб. и некоторые земельные споры.

Нам остается к этому разделу добавить, что в Челябинском округе упраздняются: 1) земельные комиссии (Районные и Округные), функции которых переходят к судам, РИК'ам и примкамерам, 2) примкомиссии по разбору батрацких исков, 3) конфликтная комиссия по жилищным делам при горсовете, функции которой переходят к тов. судам на предприятиях и тов. суду для георганизованного населения при горсовете.

Как известно, в нашем округе упраздняется участковая прокуратура. Штат, в связи с этим, дан нам следующий: прокурор и 6 помощников. До реорганизации в штате состояло: прокурор, заместитель, 4 камерных помощника и 5 участковых. Таким образом: 1) неизбежно увеличилась бумажная переписка (жалобы со всего округа, переписка со всеми следователями, милицией, РИК'ами и пр.); 2) усложнились условия работы в деревне; требуются более частые и длительные выезды; 3) количество прокурорских единиц с 11 сокращено до 7.

7. Исполнение судрешений и приговоров по городу передаем милиции. В районах—до 50 руб.—сельсоветам и уполномоченным сельсоветов, а свыше 50 рублей—также милиции. Институт судебных исполнителей упразднен.

8. Сливаем наблюдательную и распределительную комиссии в исправдоме. Оставляем одну наблюдательную комиссию с расширенным составом за счет привлечения общественности членов адм.-прав. секции горсовета, общественных обвинителей, парзаседателей и др.

9. Дознания по трудовым делам передаются в милицию, а о несчастных случаях—парследателям. Инспекция труда, как орган дознания, ликвидируется.

Это не полный и очень сжато—в ряде случаев без комментариев—приведенный перечень основных изменений, намеченных нами по линии суда и прокуратуры и вытекающих из общей переделки аппарата всего окружного исполнительного комитета и ликвидации окружных отделов с передачей их оперативных функций горсоветам и РИК'ам.

Полагаем, что удачное проведение опыта должно будет доказать жизнеспособность этих мероприятий. Одно обстоятельство смущает нас. Постановление ВЦИК'а предусматривает, что НКЮ должен будет дать отчет о проведении опыта к 1/XII, в то время, как проведение намеченных мероприятий будет осуществляться в октябре (к 1/XI). Срок для изучения и подведения итогов, таким образом, чрезвычайно краток.

Челяб. окрпрокуратура.

Э. Любошевский.

Новое в наркоматах.

Функции Р.К.К.

В связи с постановлением законодательных органов о мерах к укреплению трудовой дисциплины, о чистке госаппарата и об имущественной ответственности рабочих и служащих за ущерб, причиненный ими нанимателям, изменены ст.ст. 10, 11, 12, 13, 14 и 30 положения о РКК («Изв. НКТ СССР» № 51/52 1928 г.).

К конфликтным функциям расценочно-конфликтных комиссий относится рассмотрение всех трудовых конфликтов искового характера, возникающих между работниками и нанимателем при применении законов о труде, коллективных и трудовых договоров и правил внутреннего распорядка.

Указанные конфликты могут быть переданы как в расценочно-конфликтную комиссию, так и в трудовую сессию народного суда. Однако, обязательно рассматриваются в расценочно-конфликтной комиссии, как первичной инстанции, конфликты по следующим вопросам: перевода на другую работу и связанных с переводом сохранения заработка, либо выдачи выходного пособия; оплаты при невыработке норм и оплаты брака; увольнения по непригодности и за неисполнение обязанностей; компенсации за использование инструмента, принадлежащего работнику; выдачи спецодежды и спецпитания и—в подлежащих случаях—денежной компенсации за них; применения сокращенного рабочего дня и удлиненного отпуска; оплаты при выполнении работ разной квалификации при замещательстве; оплаты простоя; оплаты подготовки к сдельному наряду; оплаты незаконченного сдельного наряда; вычета из заработной платы работника за ущерб, причиненный им нанимателю при исполнении служебных обязанностей,—во всех тех случаях, для которых законом установлен предельный размер ответственности и не введен исключительно судебный порядок рассмотрения дела; оплаты за время отстранения от работы; выдачи денежной компенсации за непредоставленный отпуск; размера оплаты за время испытания; размера причитающейся работнику премии; оплаты сверхурочных работ; выплаты выходного пособия в случае расторжения трудового договора работника по вине нанимателя.

Расценочно-конфликтная комиссия приступает к рассмотрению дел конфликтного характера по заявлениям заинтересованных работников или комитета рабочих и служащих, а также, в подлежащих случаях, по заявлению нанимателя.

Наниматель обязан вносить на рассмотрение расценочно-конфликтной комиссии в порядке предварительного согласования вопроса, до дачи соответствующего распоряжения: конфликты в государственных предприятиях и учреждениях по вопросам об увольнении по непригодности; конфликты в прочих предприятиях и учреждениях по вопросам об увольнении по непригодности и об увольнении за неисполнение обязанностей и конфликты по вопросу о вычете из заработной платы в случае заявления работника о незаконности вычета или неправильности исчисления его размеров.

Ведению расценочно-конфликтных комиссий не подлежат: дела об увольнении и восстановлении в должности лиц, пользующихся правом найма и увольнения, а также ответственных работников, принадлежащих к категориям, перечисленным в особом перечне, утвержденном НКТ СССР по соглашению с ВЦСПС или в соответствующих перечнях, утвержденных НКТ союзных республик по соглашению с республиканскими советами профессиональных союзов; дела об увольнении и восстановлении в должности лиц, увольняемых из государственных, кооперативных и общественных учреждений и предприятий по предложению органов народных комиссариатов рабоче-крестьянской инспекции СССР и союзных республик в порядке и на основаниях, предусмотренных положениями об указанных народных комиссариатах и специальными указаниями; дела о расторжении трудовых договоров с работниками по требованию профсоюза; вопросы изменения должностных окладов, установленных в порядке государственного нормирования заработной платы, а равно и персональных окладов; вопросы установления или изменения штатов; конфликты между работниками и нанимателями на почве предоставления и распределения жилых помещений, удовлетворения бытовых нужд работников и т. д., не вытекающие из обязательств по коллективному или трудовому договору; трудовые дела, разрешенные трудовой сессией народного суда, примирительной камерой или третейским судом, а также трудовые дела, находящиеся на рассмотрении этих органов; дела о дисциплинарных взысканиях в порядке подчиненности, за исключением взысканий, налагаемых за нарушение правил внутреннего распорядка; конфликты искового характера, касающиеся рабочих и служащих, занятых в предприятиях, учреждениях и хозяйствах, в которых не имеется членов профессиональных союзов (в частности конфликты, касающиеся рабочих и служащих, не состоящих членами профсоюза).

Для подачи в расценочно-конфликтные комиссии заявлений о рассмотрении конфликтов устанавливаются следующие сроки:

по вопросам увольнения и вычетов из заработной платы—14 дней; по вопросам оплаты сверхурочных работ—1 месяц; по всем остальным вопросам—3 месяца.

Сроки исчисляются:

для нанимателя по делам об увольнении за неисполнение обязанностей в тех предприятиях и учреждениях, в которых наниматель обязан предварительно согласовать вопрос об увольнении в расценочно-конфликтной комиссии,—со дня совершения нарушения, дающего нанимателю основание для возбуждения вопроса об увольнении; по делам об увольнении, передаваемых в расценочно-конфликтную комиссию работником,—со дня предъявления работнику расчета; по делам о вычетах—со дня заявления работника о незаконности вычета или неправильности исчисления его размеров; по всем остальным делам—со дня возникновения права на предъявление соответствующего требования, при чем по денежным претензиям днем возникновения этого права считается день, когда соответствующая выплата должна была быть произведена, согласно общеустановленным в данном предприятии или учреждении срокам выплаты.

(Пост. НКТ СССР № 239 от 27 июля 1929 г.—«Изв. НКТ» № 34/25 1929 г.).

Порядок извещения нанимателями местномов о найме и увольнении работников.

В случаях, когда наем рабочего или служащего производится нанимателем с нарушением действующего законодательства о труде или коллективного договора, комитет рабочих и служащих имеет право заявить свои возражения против приема данного работника на работу, указав, в чем именно выразилось нарушение закона или коллективного договора.

Указанные возражения могут быть заявлены комитетом рабочих и служащих не позднее трех дней со дня получения извещения о приеме рабочего или служащего. Прием посланного биржей труда не-члена профсоюза не может служить основанием для заявления возражений со стороны комитета (независимо от условий коллективного договора).

В случае увольнения рабочего или служащего, нанятого на постоянную работу, в связи с возражениями комитета, наниматель обязан уплатить увольняемому двухнедельное выходное пособие при условии, если он проработал свыше срока прохождения испытания.

В случае, если наниматель не уволил рабочего или служащего, несмотря на возражения комитета рабочих и служащих, комитет имеет право, не позже трех дней со дня заявления им своих возражений нанимателю, передать возникший конфликт на рассмотрение местного отдела труда, а в тех местностях, где отделов труда не имеется,—местной инспекции труда. В случае пропуска указанного трехдневного срока, конфликт не подлежит рассмотрению.

Отдел труда или инспекция труда должны не позже трех дней со дня поступления заявления комитета рабочих и служащих вынести свое решение по вопросу о том, был ли произведен наем с нарушением действующего законодательства о труде или коллективного договора, и при наличии нарушения указать также, в чем оно выразилось. Рассмотрение заявлений комитетов рабочих и служащих должно производиться с обязательным вызовом нанимателя и представителя комитета рабочих и служащих.

Решение отдела труда или инспекции труда не позднее трех дней должно быть сообщено комитету и нанимателю.

Решение отдела труда или инспекции труда является окончательным и может быть пересмотрено лишь в порядке надзора следующим вышестоящим органом труда.

(Инструкция НКТ СССР от 8 августа 1929 г. № 249—«Изв. НКТ» 1929 г. № 36).

Оплата векселей гербовым сбором.

Векселя, согласно ст. 29 устава о гербовом сборе в редакции пост. ЦИК и СНК СССР от 14/VIII 1929 г., должны оплачиваться гербовым сбором при их выдаче, поэтому ст. 25 гербового устава на них не распространяется. Оплата векселей гербовым сбором путем наклейки марок или уплаты сбора деньгами может производиться как векселедателем, так и векселедержателем. Однако, ответственность за неоплату, недоплату или своевременную уплату сбором векселей возлагается только на векселедателя.

При уплате сбора векселедателем при выдаче векселя, им же должны погашаться и гербовые марки. Если уплата сбора гербовыми марками производится векселедержателем, последний, поскольку ему разрешается оплата векселей, может производить также погашение гербовых марок на всякую сумму. § 41 инструкции к уставу о гербовом сборе от 31/XII—1928 г. на векселя не распространяется.

Оплата векселей допускается и корешковым способом, если вексель составляется с оставлением копии или талонов.

Вексель может излагаться как на вексельной, так и на актовой бумаге.

При погашении гербовых марок на векселях должны соблюдаться правила погашения гербовых марок, предусмотренные § 37 инструкции к уставу о гербовом сборе, т. е. подпись погашения и штемпельный оттиск при погашении штемпелем должны переходить на бумагу.

Если гербовые марки на векселе гасятся текстом документа, дата погашения на марках не требуется. В случаях же погашения гербовых марок отдельной подписью (не текстом), требуется, кроме подписи, и дата погашения.

Ст. 3 устава о гербовом сборе и при наличии постановления ЦИК и СНК СССР от 14/VIII—1929 г. об оплате векселей гербовым сбором не утратила свою силу, поэтому гербовый сбор должен быть уплачиваем во всех случаях, хотя бы векселедатель был освобожден от гербового сбора.

При ведении ответственности за неоплату или неправильную оплату векселей гербовым сбором только на векселедателя, остается в силе примечание к § 61 инструкции к уставу о гербовом сборе, так как оно имеет в виду случаи выдачи векселей по сделкам недействительным.

На третьих лиц не возлагается обязанность уплачивать гербовый сбор, недоплаченный при выдаче векселя. Однако, если они найдут необходимым, могут оплатить его гербовым сбором. В виду этого ст. 34 устава о гербовом сборе на векселя не распространяется.

О замеченных дефектах в векселях обязаны сообщать в местные финорганы не только потарифные учреждения, но и все другие правительственные учреждения, которые обнаружат дефектные векселя. Эта же обязанность распространяется и на Госбанк, поскольку он несет функции государственного порядка.

Векселя, составленные за границей и поступающие в СССР для исполнения, могут оплачиваться гербовым сбором в течение 2-недельного срока со дня их исполнения (ст. ст. 20 и 32 уст. о гербовом сборе и § 15 инструкции к уставу о гербовом сборе).

(Разъяснение Валютн. Управления НКФ СССР—«Фин. и нар. хоз.» № 39—29 г.).

Выплата выигрышей по облигациям, проданным держателями после того, как на эти облигации пал выигрыш.

Формальное право на получение выигрыша безусловно принадлежит лицу, продавшему выигравшую облигацию, так как в момент продажи облигации это лицо находилось в неведении относительно того, что на облигацию пал выигрыш, и, продавая эту облигацию, действовало в состоянии заблуждения. Получение же выигрыша по указанной облигации купившими ее кредитным учреждением и сберкассой, означало бы неосновательное обогащение последних.

Однако, на практике бывает очень трудно установить, когда именно и кем выигравшая облигация продана в кредитное учреждение или сберкассу, так как операционного учета покупаемых облигаций не ведется.

Поэтому выигрыш должен выплачиваться только в тех случаях, когда кредитным учреждением или сберкассой бесспорно установлено, что облигация продана тем самым лицом, которое предъявляет требование на выплату выигрыша; что облигация приобретена кредитным учреждением или сберкассой после того, как на нее пал выигрыш, и после того, как в месте продажи облигаций был получен номер газеты с опубликованной официальной таблицей со-

ответствующего тиража выигрышей, и что выигравшая облигация не продана банком или сберкассой.

(Циркуляр НКФ СССР № 692 от 28 сентября 29 г.—«Изв. НКФ» № 1—29/30 г.).

Хранение сполна оплаченных и не востребовавшихся подписчиками облигаций займов индустриализации.

НКФ СССР отказался от установления пресекательных сроков в отношении обмена квитанций за сполна оплаченные облигации. Невостребованные подписчиками в срок облигации перечисляются на хранение, в порядке правил, установленных для хранения ценных бумаг. Хранение не востребовавшихся подписчиками облигаций осуществляется кредитным учреждением, продавшим облигации. Кредитные учреждения, не производящие операции по хранению ценных бумаг, передают имеющиеся у них не востребовавшиеся подписчиками облигации на хранение в ближайшее учреждение Госбанка или в сберкассу.

(Циркуляр НКФ СССР № 689 от 27 сентября 29 г.—«Изв. НКФ» № 1—29/30 г.).

Ответственность за нарушение правил о с'емках.

Фотографические и кинематографические с'емки на всей территории РСФСР, за исключением местностей, находящихся в пределах пограничной полосы и земель, предоставленных транспорту, а также за исключением объектов, упомянутых ниже, могут производиться как фотоаппаратами-профессионалами, так и любителями совершенно свободно без получения каких-либо разрешений.

Фото-кино-с'емки внутри помещений, занимаемых государственными и общественными учреждениями, организациями и предприятиями, могут происходить только с ведома и разрешения администрации этих учреждений, организаций и предприятий.

Фотографические и кинематографические с'емки полигонов, аэродромов, военных портов, военных складов, военных заводов, оборонит. сооружений, а также внутри воинских казарм и лагерей, фото-кино-с'емки мостов, мостовых сооружений, тоннелей, станционных, оборонительных и всякого рода иных сооружений на землях, предоставленных транспорту (бывш. полоса отчуждения), могут производиться исключительно по специальным разрешениям Об'единенного Госполитуправления или его местных органов.

Надзор за производством всякого рода с'емок возлагается на местные органы наркомвнуделов и ОГПУ, вблизи военных и оборонительных сооружений, складов, тоннелей, мостов, заводов, полигонов, аэродромов, лагерей, казарм и т. п. на военную или военизированную охрану соответствующих ведомств.

Наблюдение за сохранностью геодезических знаков и сооружений и привлечение в случае надобности лиц, замеченных в хищении, перемещении и уничтожении их, к ответственности возлагается на местные органы милиции и сельсоветы.

Наблюдение за изданием планов и карт возлагается на Главлит и его местные органы, а наблюдение за хранением земельных планов с горизонталями, снятых в местностях пограничной полосы, возлагается на местные органы ОГПУ.

Ответственные лица государственных и общественных учреждений, а также частные лица, производящие с'емки с нарушением настоящих правил, привлекаются к уголовной ответственности по соответствующим статьям Уголовного Кодекса, в зависимости от характера совершенных нарушений.

Лица, замеченные в хищении, уничтожении, порче, переустройстве, перемещении геодезических знаков, подлежат уголовной ответственности по соответствующим статьям Уголовного Кодекса (напр., по ст. 79) в зависимости от характера совершенных нарушений.

(Временные правила НКВД № 289 от 24 авг. 29 г.—«Бюлл. НКВД» № 32—29 г.).

Критика и библиография.

О задачах библиографического отдела ЕСЮ.

Одним из условий правильной постановки дела подготовки и переподготовки кадров судебно-прокурорских работников является надлежащее руководство ими в пополнении и углублении своих знаний и вообще в повышении своей квалификации.

В настоящее время мы уже имеем довольно большую юридическую литературу, в основном предназначенную для чтения и проработки нашими работниками. Однако, правильный выбор необходимой или полезной книги является задачей для рядового читателя нелегкой, тем более, что в издаваемой у нас литературе все еще не малое место занимает идеологически недоброкачественная, а подчас и вредная книга. Здесь необходима систематическая товарищеская помощь.

Редакция «ЕСЮ» решила организовать через посредство своего «библиографического отдела» эту помощь и в пределах возможного взять на себя руководство нашей читательской массой.

С этой целью «библиографический отдел» будет систематически давать следующие материалы:

1. Краткие и сжатые рецензии на заслуживающие внимания юридические книги. Рецензии эти в основном будут указывать на теоретическую или практическую полезность или вредность издаваемых книг.
2. Обзоры наиболее интересной статейной литературы из других журналов с соответствующими критическими замечаниями.
3. Библиографический указатель выходящей ежемесячно юридической литературы (книги, брошюры), с краткой характеристикой каждой из них (если она не будет более подробно рецензирована).
4. Списки рекомендуемых книг для составления и пополнения библиотек окр-обл-крайсудов и прокуратур, а также и для отдельных судебно-прокурорских работников.
5. Сводки и обзоры читательского мнения о прочитанной и проработанной литературе с указанием тех здоровых запросов, которые делаются практическими работниками юстиции и должны быть учтены и удовлетворены авторами.

К осуществлению этой задачи Редакция приступает и ждет живого отклика и участия со стороны своих читателей.

РЕДАКЦИЯ.

РАЕВИЧ, С. И. Гражданское право буржуазно-капиталистического мира в его историческом развитии. М. ГИЗ 1929 г., стр. 310, цена 3 р. 25 к.

История права оставалась до самого последнего времени той областью, где марксистская теория сделала меньше всего. Правда, в марксистских работах, посвященных изучению права, мы почти всегда встречались и с историческим рассмотрением отдельных вопросов. Правда, мы и сейчас уже имеем ряд журнальных статей, глубоко, по-марксистски трактующих отдельные моменты из истории права. Но исследований, имеющих задачу специально, систематически проследить историю развития правовой формы мы, пока что, не имели. Названная выше работа С. И. Раевича является, таким образом, первой более серьезной попыткой восполнить этот давно уже ощущавшийся пробел, при чем автор поставил в ней задачу изучить

развитие лишь буржуазного права, в связи с развитием экономических отношений и особенно в связи с историей классовой борьбы. Само изложение в книге начинается с гражданского законодательства Великой французской революции, охватывает, далее, развитие законодательства в период промышленного капитализма (по ряду стран) и заканчивается рассмотрением законодательства эпохи империализма, включая сюда и законодательство военного и послевоенного периодов (1914—1926 г.г.).

По указанию автора его книга рассчитана «на читателя, знакомого, хотя бы поверхностно, с основами советского права». Положительными качествами этой работы является то, что в результате ее чтения «связанная» собственностью легко теряя надежды на нее буржуазными ее защитниками доспехи «вневременности», «вечности» и т. д.; печать «гения Наполеона», прикрепленная к гражданскому кодексу Франции «благодарным потомством», вдруг тускнеет, а сам кодекс определяется, как результат упорной и длительной классовой борьбы, печальный плод кабинетного творчества немецких ученых—германское гражданское уложение и «знаменитое», «образцовое» швейцарское уложение также начинают выявлять классовое лицо, лицо создавшей их эпохи финансового капитализма и т. д. Если к сказанному прибавить, что даваемый С. И. Раевичем анализ истории развития буржуазного законодательства опирается на русский и иностранный материал, то мы можем сказать, что разбираемый нами труд окажется весьма полезным и притом не только тем товарищам, которые работают над теорией права, но и всем практическим работникам.

Подчеркивая значение работы С. И. Раевича, мы не можем, однако, пройти мимо ее недостатков. Одним из таких (по нашему мнению, основных) ее недостатков является некоторый перегиб в ней внимания автора в сторону истории кодексов (законодательства) в ущерб истории правовой формы вообще. Автор, правда, отчасти выполняет данное им обещание «не ограничиваться голым повествованием, пересказом или догматическим анализом законов, а давать марксистский анализ фактов, ставя их в связь с основными моментами экономической истории и особенно истории классовой борьбы». Но лишь «отчасти», в центре внимания автора остаются все-таки «законы», «системы норм», искусственно выделенные им из всей системы буржуазного права. И как ни пытается автор ставить их в связь с «экономической историей», все рассматриваемые им кодексы, разбираемые им институты продолжают жить некоторой «самостоятельной» жизнью, превращаются в некоторую самодовлеющую величину. Другими словами, автор не вполне уходит от приемов «догматического анализа», им самим отвергаемого. А происходит это, по нашему мнению, от того, что в основе его труда не лежит четкий взгляд на право, как на «форму организации общественных отношений». В результате отсутствие отмеченной выше правильной установки в книге С. И. Раевича можно отметить и ряд других недостатков. Так, например, нельзя признать случайностью то обстоятельство, что в порядке изложения материала нет теоретической стройности, достаточной ясности. Если бы автор исходил из упомянутой выше правильной установки, он наверно почувствовал бы потребность дать: 1) сначала характеристику всей системы капиталистического хозяйства в ее целом; 2) затем характеристику всей формы организации общественных отношений (т.е. права) этой исторической формации. А в этом случае вовсе не потребовалось бы излагать так много материала, ибо отдельные кодексы были бы привлечены лишь в пределах известной меры, как конкретный исторический материал, для иллюстрации характерных моментов развития правовой формы вообще. Выиграло бы само исследование, сделавшись более стройным, систематическим. Выиграло бы и читатель. Кроме того, идя этим путем, автор получил бы возможность проследить общий ход развития правовой формы в условиях капиталистического хозяйства во всей его диалектической противоречивости. Стремление же дать анализ от-

дольных кодексов привело, вопреки желаниям самого автора, к затупевке важнейших проблем диалектики буржуазной правовой формы, что и было уже справедливо отмечено критикой (см. обзор П. И. Стучки в «Рев. Права» за 1929 г. № 3). Однако, несмотря на эти, а также и ряд других недостатков работы т. Раевича, на которых мы здесь не останавливаемся, книгу эту мы все-таки считаем полезной.

В. Штейн.

Е. И. СНЕЖКОВ. Практический комментарий к Кодексу законов о труде. Постатейные разъяснения, дополнения, судебная и консультационная практика с изменениями и дополнениями по 1 мая 1929 г. Изд. 8-е. Юрид. изд-во НКЮ УССР, Харьков, 1929, стр. 410, ц. в перепл. 2 р. 10 к.

Популярнейший комментарий Е. И. Снежкова вышел 8-м изданием. Это значит, что книга нашла сотни тысяч читателей. Пора бы, в конце-концов, посмотреть, что представляет собою эта работа; в какой степени ее популярность соответствует ее внутренним достоинствам.

Увы! «Разрыв, неувязка!». Ближайшее ознакомление с книгой заставляет прийти к выводу, что работа Е. И. Снежкова не только бесполезна, но и прямо вредна.

В самом деле, что, собственно, в ней есть? В своей весьма значительной части (пожалуй, не менее половины) это даже не комментарий. Это просто сборник официальных материалов, притом не всегда толково расположенных.

Вообще говоря, издаваемые сборники официальных материалов имеют известную ценность. Но включать эти материалы в таких порциях, как это делает Е. И. Снежков, в комментарий,—«метод» весьма сомнительный. Комментарий должен прежде всего оказать помощь в понимании закона и в правильном его применении. Привести же столь тяжеловесный и отличающийся неясностью закон, как пост. ЦИК и СНК СССР 29 августа 1928 г. о конфликтном разбирательстве, не снабдив его никакими пояснениями, значит уклониться от основной задачи комментария. Весь «Комментарий» к серьезнейшей XVI гл. КЗоТ, занимающий свыше 40 страниц (267—310), состоит из каких-нибудь полутора десятков «тезисов» страницы на 2, а все остальное место занимают официальные акты. Точно также обстоит дело и с гл. XVII КЗоТ. Чем же здесь Е. И. Снежков помог той самой «широкой массе» работающих по найму и пользующихся наемным трудом (стр. 4), в интересах которой издана книга? Как сборник книга Е. И. Снежкова всего материала не охватывает, как комментарий — ничего в соответствующих местах не дает.

Бессспорно, далее, что изучение практики, напр., Наркомтруда может оказаться и интересным, и полезным. Но когда взамен изучения практики и обобщения ее начинают опираться на прецедент, на казус, тогда воскрешают худшие традиции юристов старой школы. Всякое частное разъяснение НКТ дается применительно к особенностям данного случая. Каким же образом можно высказанное НКТ положение, касающееся частного случая, обобщать? Может ли комментарий дать гарантию в том, что приведенное им разъяснение не будет применено к случаю, по своей конкретной обстановке ничего общего не имеющему с тем, в связи с которым разъяснение это было высказано?

Казуистика, прецедент подменяют собой изучение данного конкретного случая во всем его своеобразии, изучение, на основе которого лишь и можно дать действительно правильное разрешение вопроса.

Но, как уже сказано, у Е. И. Снежкова приведены не только полностью или в выписках официальные материалы. Кое над чем он размышлял самостоятельно. Обратимся к некоторым из его домыслов. Вот, напр., что он говорит, комментируя ст. 30 КЗоТ: «Под артелями следует разуметь как артели, существующие на основании зарегистрированных уставов по законам о промысловой и трудовой кооперации и артелях ответственного труда, так и группы лиц, не представляющие собою юридического лица» (стр. 76). Признаемся в своем невежестве: никак не можем себе представить, чтобы промкооперативное т-во или артель ответственного

труда выступали в роли нанимающихся по трудовому договору. Трудовые артели (уставные) действительно могут работать по труд. договору. Но, ведь, они не группа лиц, а юридические лица, и теперь совершенно очевидно, что не о них говорит ст. 30 КЗоТ, а о так наз. «бытовых» артелях. Поэтому, в частности, к труд. артелям, в силу ст. 14 и 20 пост. ВЦИК и СНК РСФСР 30 января 1928 г., не применяется ст. 33 КЗоТ. А на стр. 78 автор додумался до того, что ч. 2 ст. 32 КЗоТ решил применить к отношениям между труд. артелью, работающей в порядке подряда, и ее членами. Действительно, разительный пример тонкого юридического анализа!

Нередко автор ссылается на устаревшие, хотя формально и не отмененные официальные материалы. Таковы ссылки на цирк. ВЦСПС 16 апреля 1923 г. о порядке применения ст. 49 КЗоТ (стр. 93), на ст. 7 п. «е» пост. ЦИК и СНК СССР 4 июня 1926 г. об условиях труда на сезонных работах (стр. 104) и др. С другой стороны, автор часто забывает о правилах действующих. Так, в комментарии к ст. 65 нет ни слова о пост. ЦИК и СНК СССР 23 января 1929 г. о сроках выплаты заработной платы, зато приведено устаревшее разъяснение Пленума Верховного Суда РСФСР 23 февраля 1925 г. Законы о сезонных и временных работниках приводятся без учета изменений, введенных пост. ЦИК и СНК 22 марта 1929 г.

Мы привели лишь незначительную часть замечаний, которые можно было бы сделать по поводу чуть ли не каждой страницы рецензируемой работы. Думается, однако, достаточно и этого.

Так чем же объясняется успех этой несомненно халтурной, неряшливо сделанной книги? Кто ее потребитель? В чем корень ее успеха?

Вряд ли будет ошибкой сказать, что корень успеха работы Е. И. Снежкова в перенесении в советское учреждение и советские предприятия тех самых худших традиций применения и толкования закона, о которых сказано выше. Люди не хотят думать. Они не хотят взять на себя ответственность за самостоятельное решение вопроса. Им нужен какой-то внешний авторитет. И этот авторитет они находят у Снежкова. (Юрисконсульт Московского отдела труда!) Ему и книги в руки! А его книга—в руки многочисленных Снежковых, проникших в советские учреждения, и при любом трудовом конфликте козыряющих (даже в официальных документах) этим новоявленным Шестикнижием Арменопуло.

Так вот эту книгу и нужно вырвать из рук утонувших в казуистике и не желающих присмотреться к реальным отношениям чиновников. Довольно вышедших восьми изданий! Девятого никому не нужно.

Г.

ХОЗЯЙСТВЕННО-ПРАВОВАЯ ПРАКТИКА ПО ВОПРОСАМ ТОРГОВЛИ. Составил М. Л. РОЗЕНФЕЛЬД. Под ред. и с предисл. проф. С. Н. Ландкофа. Юрид. изд. НКЮ УССР. Харьков. 1929 г. Тир. 2.500, стр. 189. Цена 2 руб. 50 коп.

Сборник содержит в себе выдержки из решений судов и арбитражных комиссий и постановлений и приказов ВСНХ СССР, Наркомторга СССР и др. ведомств. В основу деления Сборника на главы положена обычная систематика по торговому праву.

Замысел составителя интересен—собрать и отобрать из десятков и сотен решений и постановлений указанных выше органов наиболее актуальное по вопросам советского товарооборота, расположить их в определенной системе и дать юристам-практикам и работникам хозорганов возможность правильно ориентироваться в этих вопросах при повседневной работе их. Редактор Сборника проф. Ландкоф в предисловии указывает, что «в нем (в сборнике) находит свое место исключительно живая практика» (разрядка моя. А. Ш.).

С сожалением приходится отметить, что рекомендация эта преувеличена. В Сборнике слишком много «старинных». Почти весь материал относится к восстановительному периоду нашей экономики, вследствие чего Сборник имеет скорее архивное, чем практическое значение. Прямым анахронизмом, напр., звучит ряд решений ВАК, приводимых в Сборнике, особенно в связи

с новыми законами, относящимися к рассматриваемой области.

В предисловии редактор указывает, что в Сборнике «нет застывших норм закона» и что «в нем находит свое место исключительно живая практика». Оставляя в стороне вопрос о достаточной обоснованности такого противоположения, надо признать, что значительная часть проводимого автором материала свидетельствует скорее о заслонении отжившей и мертвой практикой живой ткани закона.

Еще на одно обстоятельство следует обратить внимание практических работников, которым пришлось бы пользоваться рассматриваемой книгой. Когда решение по конкретному делу выхолащивается путем извлечения из него какого-нибудь общего положения, высказанного решающим органом именно в данной связи, нередко такого рода решения-извлечения представляются грубо неправильными, а самое включение их в сборники, подобные настоящему, непонятным. Вредность этого метода заключается в том, что он может привести к юридической казуистике, к оторванной от жизни абстракции.

Точно также и тезисы составителя, предшествующие каждому решению или постановлению, порой высказаны в излишне абстрактной, притом взаимно противоречивой форме. Вот пример:

«35. Перепродажа кооперативной организацией купленного у госпредприятия дефицитного товара частнику является незаконной» (стр. 27, тезис к реш. Мосгубсуда).

36. Перепродажа дефицитных товаров госорганиза-циями частным лицам допустима в случаях нарушения нормальных путей продвижения товаров» (стр. 28, тезис к разъяснению Наркомторга СССР).

37. Перепродажа частникам государственными и кооперативными организациями дефицитных товаров квалифицируется как уголовное деяние» (стр. 28, тезис к цирк. НКТ УССР).

Было бы лучше и проще вместо таких отвлеченных тезисов в конце книги приложить предметно-алфавитный указатель, составляющий необходимую принадлежность справочных практических пособий.

Отмеченные недочеты Сборника, при непомерно высокой к тому же цене его, заставляют воздержаться от рекомендации Сборника М. Л. Розенфельда именно практикам юристам и хозяйственным работникам.

А. Шагназаров.

О ЛИТЕРАТУРЕ ПО КОНТРАКТАЦИИ.

Несмотря на чрезвычайно большой интерес, который представляют вопросы, связанные с контрактацией, не только для экономистов, но и для юристов, в юридической литературе мы до сих пор не имеем почти никакой более или менее ценной работы. Выпущенная отдельным оттиском из «Известий правового факультета Азерб. госуд. университета» брошюра Ф. В. Дьякова—«Экономическая и правовая природа т. н. контрактации посевов» (Баку—стр. 28), дав в основном правильный принципиальный подход к экономическим проблемам, связанным с контрактацией, в части юридического анализа оказалась бессильной выйти за пределы обычных для буржуазных юристов догматических приемов. Несмотря на правильное заявление автора, что «на наших глазах целые отрасли права исчезают, уходят в небытие, на смену им приходят новые, принципиально другие, подобных которым мы не сможем найти в запыленном арсенале схем классического римского права, куда так привыкли юристы обращаться за помощью в своих конструктивных работах» (стр. первая), Ф. В. Дьяков сам еще не освободился от этой действительно скверной привычки. Достаточно сказать, что весь юридический анализ автора сводится к тому, чтобы надеть на контрактацию форму договора подряда и в пределах этого древнего института гражданского права вести все свое исследование. Несостоятельность подобной попытки самоочевидна. И не только потому, что в таком случае пришлось бы считать все трудовое крестьянство, заключающее договоры контрактации, состоящим сплошь из подрядчиков, но и потому, что по существу своему контрактация принципиально отличается от подряда, хотя и имеет с ним некоторое сходство.

Что касается экономической (кооперативной) литературы, то здесь за последний год выпущен ряд книг и брошюр. В виду того, что эта литература может заинтересовать наших читателей, мы считаем нужным сказать несколько слов о ней.

Наибольший интерес представляет книга **И. САНКОВА—«Контрактация и коллективизация сельского хозяйства»**—изд. «Книгосоюза»—стр. 104, ц. 90 к. Книга содержит следующий материал: Общие замечания о природе контрактации и спорных в этой области вопросах; характеристика контрактации и форм ее организации в различных отраслях сельского хозяйства; влияние контрактации на подъем, кооперирование и обобществление крестьянского хозяйства; перспективы развития контрактации.

Автор дает общую и в основном правильную установку экономической сущности контрактации, при чем он имеет в виду не торговую, а производственную контрактацию. Поэтому совершенно правильно автор говорит о контрактации, как об основном методе реконструкции и коллективизации сельского хозяйства.

Остальные книги: **Е. ГАН, «О контрактации»**, ГИЗ, 1929 г., стр. 109, ц. 45 к.; **Ф. ИСЛАНКИН, «Контрактация, сбыт и снабжение в с.-х. крестьянских т-вах»**, «Книгосоюз», 1929 г., стр. 195, ц. 1 р. 60 к.; **И. КИРИЛЛОВ, «Контрактация и ее значение в крестьянском хозяйстве»**, ГИЗ, 1929 г., стр. 254, ц. 40 к.—дают мало обобщений и выводов, ограничиваясь главным образом приведением весьма большого фактического материала из практики контрактации в отдельных отраслях сельско-хозяйственного сырья. Последняя же книга в приложении дает образцы договоров по всем видам контрактации.

В. Т.

А. Н. ТРАЙНИН. Уголовное право. Общая часть. Изд-во МГУ. М. 1929 г., стр. 511, цена в пер. 5 руб.

Путь, проделанный проф. Трайниным в теории и практике уголовного права, долг и тернист: представитель левого крыла русской социологической школы в дореволюционной России, затем один из основоположников журнала «Право и жизнь», специализировавшийся на вопросах уголовно-правовой догмы, проф. Трайнин ныне вновь выступает в качестве теоретика общих вопросов уголовного права, но уже, якобы, в роли последовательного марксиста. Так, по крайней мере, представляется самому проф. Трайнину, когда на стр. 28 он рекомендует свою книгу в качестве «опыта подробного развития марксистской системы уголовного права».

В чем состоит «марксизм» проф. Трайнина? В какой степени этот «марксизм» отвечает той действительной революции права, уголовного в частности, которая ныне начинается осуществляться, и уже не на словах, а на деле.

Перед автором стояла заманчивая задача—дать курс уголовного права на основе анализа конкретного материала о явлениях преступности, и учение о репрессии обосновать не на традиционных понятиях виновности и т. д., а на основе «критериев социальной опасности», как субъективных, так и объективных.

Ставя перед собой эти задачи, А. Н. Трайнин заполняет свой курс обширнейшим количеством фактического материала: тут и история уголовного права и законодательства, и большое количество статистических данных преступности и репрессии, и обзор иностранного законодательства, и, наконец, материалы о нашей судебной практике. Несомненно, эта сторона работы А. Н. Трайнина стоит на должной высоте и выгодно выделяет ее из ряда других аналогичных трудов.

Но мы тщетно пытались бы отыскать в обширном курсе уголовного права «последовательного» развития марксистского диалектико-материалистического метода. Отделяясь несколькими общими, известными даже школьникам, фразами о методе диалектического материализма, автор сейчас же переходит на протоптанную дорожку социологической школы. Приведем некоторые примеры. На стр. 29 автор замечает: «Диалектический метод рассматривает общественные явления в их реальной во времени и пространстве социальной

связанности. Объектом диалектического исследования поэтому является не изолированное событие..., а массовое единичное явление... Вот, собственно говоря, и все, что говорится о марксистском методе, которому автор находит нужным уделить... 2 страницы! Правда, кое-где приводятся «дополнительные» соображения, но они не идут дальше отмеченного нами. При этом марксизм проф. Трайнина развивается, так сказать, «самостоятельно»; «последовательное проведение системы социальной защиты, здесь в сфере уголовной теории выполняет основную задачу марксистского анализа: оно вскрывает подлинную социальную функцию уголовно-правовых понятий...» (с. 221). «Непоследовательная» социологическая школа, таким образом, все же—по Трайнину—является родоначальницей марксистской школы уголовного права. Об этом, правда, прямо не говорится, но это постоянно преподносится читателю в завуалированном виде.

Методологическая беспомощность автора особенно ярко дает себя чувствовать в разделе о школах в уголовном праве, где весь анализ не выходит за рамки рассмотрения круга идей этих школ и традиционной их критики. Не случайно и то, что в этом разделе наибольшее внимание уделяется... неоклассикам и неосоциологам, и всего лишь 2 страницы, как уже говорилось, отводится марксистской школе.

За последние 2 года марксистская теория уголовного права, как известно, значительно продвинулась вперед. Ряд докладов и диспутов, происходивших в Ком. академии, мог бы дать А. Н. Трайнину обильный материал для размышлений. Однако, он ограничивается «вежливыми» ссылками на общепризнанность взглядов т. Папуканиса на критику наказания и на исчерпывающий характер их.

Но признавая это, автор вовсе не пытается применить эти взгляды, но, наоборот, очень и очень далеко отходит от них.

Нам казалось бы, что ученый, который желает применить последовательно-марксистский метод в уголовном праве, не может обойти вниманием такие основные и решающие проблемы, как проблема формы и содержания права, как проблема буржуазного и советского права, в частности, в равной степени, как при анализе преступности ее причин нельзя обойти молчанием учения о случайности и закономерности, о закономерностях общества переходного периода и т. д.

Но, к сожалению, «марксизм» проф. Трайнина в решении этих проблем не нуждается.

В начале своей книги А. Н. Трайнин подчеркивает, что его курс исходит не из преступления или преступника, а из преступности, как массового явления. При ближайшем же рассмотрении «учение о преступности» оказывается «привеском», «нароском» на всей работе.

Мы уже не говорим о том, что этот раздел разработан в плане либерально-социологической школы, с той только разницей, что автор принес сюда несколько более или менее «сердитых» фраз о капиталистическом обществе. Однако, эти фразы по сути дела ничего не меняют, ибо автор так и не показал, в чем же конкретно состоит решающее влияние на преступность производственных отношений.

Закончив раздел о преступности и поговорив немного о репрессии и ее целях, А. Н. Трайнин переходит к основной части своей работы (1/3 книги)—к пресловутым «критериям социальной опасности». Здесь перед автором стояли две задачи: дефетишизировать основные уголовно-правовые понятия и дать систему критериев социальной защиты. Нужно прямо сказать, что автор не справился ни с той, ни с другой задачей. Не видя никакой разницы между «наказанием» и «мерой социальной защиты», но, наоборот, сближая их с точки зрения «системы социальной защиты», автор декларирует, что все уголовно-правовые понятия (виновность, вменяемость и т. д.) могут быть использованы в качестве критериев социальной защиты, лишенных всякой метафизики. Нужно сказать, что непосредственно перед этим автор подчеркивает метафизическую форму (с. 219) и метафизическое содержание (стр. 221) уголовно-правовых понятий. Непосвященному непонятно как это метафизические понятия по мановению жезла проф. Трайнина становятся критериями социальной опасности в духе последовательного марксизма. Что, собственно говоря, произошло с виной, если автор по-

желал считать ее «подсобным критерием». Неужели вопрос о дефетишизации решается чистыми декларациями, более или менее разнообразными логическими умозаключениями, лишенными социологического анализа. Мы думаем, что дефетишизация проф. Трайнина также мало приближает нас к подлинной дефетишизации, к подлинному марксизму, как, например, мало дает для марксизма и его теории преступности.

Неудачный опыт дефетишизации привел и к не менее неудачной системе критериев социальной защиты, среди которых попрежнему фигурируют старые знакомцы—и вина (правда в «техническом» смысле), и соучастие, и покушение и т. д., и т. д. Стоило ли огород городить для того, чтобы притти снова к старому «юридическому учению», обремененному, правда, в новую словесную форму, и наполненному колоссальным количеством эклектизма, столь памятного нам по социологической школе, старого и нового, иностранного и русского (в том числе и на советской почве) образца!

Мы всячески должны приветствовать попытку критической переработки в духе марксизма основных понятий буржуазного уголовного права. Но с меньшей силой мы должны протестовать против всевозможных попыток протаскивания эклектических идей социологической школы под флагом марксизма. Проф. Трайнин пытается своей догматический анализ, свои чисто логические, абстрактные положения, лишенные подлинного социологического исследования, выдать за подлинную дефетишизацию, за подлинные достижения марксизма. И с этими попытками мы должны вести решительную борьбу.

В общем работа проф. Трайнина не отвечает субъективным намерениям автора—дать марксистский курс уголовного права. В своей критической части она характеризуется полнейшим эклектизмом социологической школы, в своей положительной части она имеет очень мало общего с марксизмом и ни в какой степени не приближает нас к тем новым задачам, которые ныне встают перед пролетарским государством в деле осуществления борьбы с преступностью. Прав т. Стучка, когда он говорит, что «революционно-марксистская теория уголовного права у нас еще впереди».

А. Герцензон.

ВЛ. ГРОМОВ. Методика расследования преступлений. Москва. 1929 г. Издательство Наркомвнутдела РСФСР. Цена 1 рубль.

Тов. Громов известен в советской юридической литературе своим серьезным и обстоятельным трудом «Дознание и предварительное следствие», уже выдержавшим 3 издания. Настоящая небольшая книжка также посвящена вопросам предварительного расследования преступлений, но ставит себе более узкую задачу—охватить эти вопросы исключительно с методической стороны, т. е. с точки зрения разбора технических приемов и способов, применения которых можно обеспечить правильность и полноту исследования уголовного дела. С этой задачей т. Громов справляется хорошо и его работа, несмотря на незначительность объема, затрагивает и достаточно полно освещает все основные методические установки расследовательского процесса по раскрытию преступлений и их виновников. Плановое начало расследования преступлений, основные методические линии отдельных стадий расследования и отдельных следственных действий, а равно методика логической деятельности производящего расследование лица тех мыслительных процессов, следуя которым можно правильно ориентироваться в подчас очень сложном и запутанном фактическом материале угол. дел,—таковы основные моменты рецензируемой работы. Книга имеет подзаголовок «Руководство для органов милиции и уголовного розыска», однако по своему содержанию труд т. Громова значительно шире и захватывает методические стороны всякого процесса предварительного расследования, в том числе и производства следователя (предварительное следствие). Очевидно, автора стесняли соображения издательского порядка (книга издана Наркомвнутделом), почему он и укладывал свою работу в тесные для нее рамки работы только органов дознания.

К недостаткам книги следует отнести некоторую невыдержанность по части вопросов, не имеющих пря-

мого отношения к технике и методике расследования. Так, книга начинается фразой: «Восстановительный период нашего социалистического строительства характеризуется стремлением к коренной реорганизации аппаратов государственного управления и хозяйства» (3). Ясно, что речь здесь идет не о восстановительном, а реконструктивном периоде. Приводимая автором «аналогия следственного процесса органов расследования с производственным процессом промышленного предприятия» (23)—спорна от начала до конца и очень мало служит полноте и ясности изложения. От подобных «орнаментов» лучше всего отказаться, книга от этого только выиграет.

Книгу можно рекомендовать, как ценное и нетрудное для усвоения пособие для работников не только милиции и уголовного розыска, но и для следователей и прокуратуры.

М. Строгович.

Обзор журнальной литературы.

«РЕВОЛЮЦИЯ ПРАВА» № 4—1929 г.—Орган секции общей теории права и государства Ком. Академии. Право так тесно и непосредственно переплетается с политикой, юридические представления так глубоко уходят корнями в буржуазные мировоззрения, практическая и теоретическая правовая работа обслуживается все еще таким большим кадром старого людского персонала, что неудивительно, если задача овладения марксизмом и ленинизмом этой областью носит до сих пор характер актуальнейшей задачи первостепенного значения. Эту большую, кропотливую и ответственную работу по очистке авгиевых конюшен нашей «юриспруденции», по очистке мозгов от всяческих реакционных и квази-революционных теорий и построений выполняет со всей революционной последовательностью секция общей теории права и государства Ком. академии и, в частности, ее орган—журнал—«Революция Права». В настоящее время, в связи с постановлением последнего съезда советов, эта секция сливается с Институтом советского строительства, образуются новый Институт государства, права и сов. строительства. Преемственность, однако, боевых задач выдвинутых секцией в области борьбы с буржуазно-юридическим мировоззрением остается, остается теоретическая платформа, выработанная секцией. Обо всем этом, о значении этой реорганизации читатель подробнее может прочесть в передовой статье последнего номера (№ 4) «Рев. Права»—«Пятилетка и советское государство».

В той же книжке журнала судебные и административные работники найдут интересную для них и важную по теме статью А. Я. Гинцбурга «О разделении государственной и частной собственности». Практическим работникам известны те трудности, которые возникают подчас в их работе тогда, когда им приходится определять, национализировано ли данное имущество или нет, перешло ли оно в собственность государства или экспроприация по революционному праву первых лет Октября данное имущество миновала. Статья т. Гинцбурга, подвергающая критике существующие на этот счет в эмигрантской и в нашей литературе неправильные, антиреволюционные точки зрения (т. наз. теория фактической национализации), использующая большой законодательный материал и судебную практику, поможет товарищам, интересующимся вопросом, разобраться в нем.

Работникам уголовного права и пенитенциарии можно рекомендовать статью А. А. Герцензона «Основные черты современной преступности в РСФСР», богатую интересным статистическим материалом, характеризующим динамику (движение), как вообще всей преступности в целом, так и преступности по отдельным ее видам, (контр-революционные и др. преступления, вырастающие на политической подкладке, должностные преступления, хозяйственные, против порядка управления, имущественные, против личности). Данные о движении преступности анализируются автором в связи с процессами, происходящими в экономике страны и в области социальных перегруппировок, обусловленных экономикой переходного времени. Выводы и обобщения, делаемые автором на основе приведен-

ного им материала, ставятся им в связь с рядом принципиальных оценок переживаемого периода, данных в партийных документах (резолюции партконференции, партсездов, доклады т. т. Молотова, Рыкова).

Белому террору и классовой юстиции посвящает свою заметку под этим названием т. Булатов. Эта заметка, воспроизводящая и обобщающая данные МОПРа за 1928 г., со всей наглядностью иллюстрирует ту бесчеловечную жестокую расправу, которую ежедневно и ежечасно учиняет буржуазия над своим классовым врагом, ту «трагедию расточительности материальных средств и человеческих жизней» в области политической жизни, которая характерна для буржуазных государств в эпоху революционного подъема. Особо интересна та часть заметки т. Булатова, где он, на основе анализируемого им материала, подтверждает свое положение о том, что «перед кровавой бессудной расправой и ничем не связанным разгулом полицейщины работа буржуазного суда отступает совершенно на задний план» и что «нормальный, т. е. судебный порядок оформления классового насилия, даже если отвлечься от всех надругательств над гарантиями подсудимого, которые допускает буржуазный суд, раз дело идет о классовом враге, представляет собой фактически ненормальный, исключительный характер».

Далее представляет интерес заметка т. Раевича, посвященная вопросам текущего законодательства Союза ССР в области гражданского права. В этой заметке подвергаются критическому разбору законы 6 февраля 1929 г. о несостоятельности предприятий и кооп. организаций, в отношении которых автор приходит к выводу, что этим законам «не хватает диалектического подхода, связи с жизнью и судебной практикой и решительности в деле упрощения госаппарата и советского права». Ряд критических замечаний делает автор и по поводу одновременно изданного закона «об очередности удовлетворения претензий». И здесь автором совершенно справедливо отмечается влияние юридического мировоззрения, излишний консерватизм, чрезмерная робость в деле упрощения нашего законодательства, сложность и запутанность этого закона.

Для читателя, более подготовленного и интересующегося общими вопросам теории и истории права, предназначены статьи т. Пашуканиса «Экономика и правовое регулирование», Резунова «Людвиг Фейербах и психологическая школа права» (начало этой статьи было помещено в предыдущей книжке журнала) и статья т. Ангарова, посвященная конституционным проектам представителей двух политических течений эпохи английской революции—индепендентов и левеллеров.

«СОВЕТСКОЕ ПРАВО». В. I—1929 г. Записки Института Сов. права. Иной облик и иное содержание представляет собою другой «толстый» журнал—«Советское право». Подробная и обоснованная характеристика идейного и идеологического лица этого журнала за прошлый год была дана в свое время в «Революции права». С тех пор немного изменилось; разве только то, что вместо двухмесячного это издание стало трехмесячным, из журнала оно превратилось в «записки», переименовало обложку и стало еще более неповоротливым, стало еще больше запаздывать с выходом, чем раньше (к концу октября вышла одна только книжка). За всем тем журнал также мало привлекателен, как и раньше, какая-то неистребимая печать серой мертвенности лежит на этом журнале. Справедливости ради следует все же отметить, что и с его страниц неожиданно повеяло приятной свежестью—мы имеем в виду здесь изменившееся отчасти лицо отдела рецензий в этой книжке журнала (см., напр., рецензию т. Троицкого на книгу Каминской, «Советское трудовое право»). Из статейного материала, непосредственно могущего заинтересовать практического работника, читателя нашего журнала, в рецензируемой книжке «записок» нет почти ничего. Можно, пожалуй, указать на доклад В. Е. Шретера о реформе патентного закона и прения по докладу, как на материал, вводящий в круг разногласий, существующих между двумя ведомствами по вопросу о системе патентования изобретений

(проверочная или явочная система). Для интересующихся правовыми вопросами в историческом разрезе можно указать на статью Д. Левина о зарождении правовых форм буржуазного государства в средневековых городах.

Г. Свердлов.

Сообщения и заметки о новых книгах и брошюрах.

А. ГЕНКИН, С. КИШКИН, А. РОДНЯНСКИЙ. Кодекс законов о браке, семье и опеке. Юрид. изд-во НКЮ РСФСР. Москва. 1929 г., стр. 212, ц. 1 р. 95 к.

В книге собран официальный материал, относящийся к вопросам брака, семьи и опеки. Сюда вошли законодательные акты, разъяснения Пленума Верховного суда, разъясн. НКЮ, ОКВК, циркуляры НКВД, постановления пленумов местных судов, публиковавшиеся в «Суд. практике». Широко представлена практика кассационных коллегий Верховного суда как гражданской, так и уголовной. Материал, отражающий состояние законодательства на май 1929 г., расположен применительно к статьям Кодекса, в конце книги дан подробный алфавитно-предметный указатель. Книгу можно рекомендовать судебным-прокурорским работникам и работникам ЗАГС'а, как наиболее полную и толково-составленную систематизацию материалов в данной области права.

Г. С.

А. ГАНИН. Памятка пионера о советских законах, защищающих права детей. Юрид. изд-во НКЮ РСФСР. М. 1929 г., 32 стр. Ц. 5 коп.

Брошюра издана под лозунгом «Пионер должен знать законы советского государства, охраняющие права детей». В соответствии с этим лозунгом, задачей памятки является попытка ознакомить пионерскую массу с важнейшими законами, охраняющими права детей, дав в ряде случаев практические указания, где и какие возможны обходы закона и как вести с ними борьбу.

В основном в «Памятке» приведены все наиболее важные положения, касающиеся прав детей, из всех наших кодексов. В виде приложения к брошюре даны «Обращение ЦБ ЮП» и извлечение из постановления XIV Всероссийского съезда советов по вопросу охраны труда и образования молодежи в текущую пятилетку.

Вл. С.

Е. ЗОСИН. Трудсуд. Справочник-руководство. Одесса. 1929 г., стр. 124, ц. 55 к. Популярная библиотека по трудовому праву.

Книжка ни в какой мере не является популяризацией трудового права. Статья за статьей, слово в слово перепечатанный Гр.-проц. кодекс—вот в основном содержание книжки. Единственно, в чем выразился «труд» автора, заключается в том, что, перебирая ГПК, он воздержался от перепечатки статей, самым очевидным образом не относящихся к трудовым делам. В некоторых местах автор пытается пояснить закон, но что это за пояснения! Закон, напр., говорит—срок на подачу жалобы устанавливается 2-недельный со дня объявления решения. Автору это кажется недостаточно «популярным», он торопится на помощь читателю: «таким образом, примерно, если решение трудсуда объявлено 3 марта, то последний срок на подачу касс. жалобы—17 марта». Но может быть и это недостаточно ясно? Пожалуй, у автора еще одно совершенно необходимое пояснение: «Рассчитать точно, когда истекает 2-недельный срок для подачи касс. жалобы очень просто: если решение объявлено в понедельник, то и последний срок наступает также в понедельник, но не ближайший, а в следующий за ним»... Примерно в том же духе и остальные потуги автора «популяризовать» закон. Книжка, однако, не только бесполезна, она может и запутать читателя. Автору известен новый закон о трудовых конфликтах (29/VIII 1928 г.), он приводит его целиком в приложениях. Но, излагая в тексте порядок рассмотрения трудовых споров, он ни слова об этом законе не говорит, добросовестно повторяя устаревшие статьи ГПК. Поэтому читателю уже в 1929 г. рекомендуются к сведению 6-месячные давностные сроки, вместо 2-недельных, сооб-

щается, что кассинстанция трудовых дел решать по существу не может, что по всем трудовым делам обязательно предварительное исполнение и т. д.

Г. С.

«ПОРЯДОК ИСПОЛНЕНИЯ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ».—Инструкция НКЮ РСФСР.—Изд. Госюриздата. 1929 г. Стр. 80. Ц. 35 к.

В этой брошюре, выпущенной как официальное издание, кроме обстоятельной инструкции НКЮ, даны формы делопроизводства судисполнителя таксы оплаты его действий, таксы оплаты хранителю за описанное имущество, а также подробный алфавитно-предметный указатель; при этом сама инструкция составлена таким образом, что она включает в себя все относящиеся к деятельности судебных исполнителей законы и правила в ясном, совершенно доступном изложении.

Идею выпуска подобных брошюр следует приветствовать, так как они значительно облегчают пользование законами и вообще окажут необходимую помощь практическим работникам юстиции.

Брошюру эту необходимо иметь не только всем судисполнителям, но всем вообще должностным лицам, которым приходится исполнять судебные решения (органы милиции, сельсоветы), а также и юрисконсультам, чкз и т. д.

Г.

Н. КРЫЛЕНКО. Реформа Уголовного Кодекса. Государственное Юридическое издательство. Москва. 1929 г., стр. 64, ц. 30 к.

Брошюра представляет собою доклад, сделанный автором на VI Съезде прокурорских, судебных и следственных работников.

Почему необходим глубокий «пересмотр основ» нашего Уголовного кодекса? В каком направлении следует Уголовный кодекс перестроить, какие принципы положить в основу пересмотра? Каковы основные теоретические и практические возражения, выдвигаемые против принципов реформы? Что даст реформа Уголовного кодекса?

Анализу всех этих вопросов, которые представляют живейший интерес не только для судей, следователей, прокуроров, работников дознания, слушателей юридических курсов и вузов, но и для широкой советской общественности, и посвящено содержание брошюры.

Являясь инициатором коренной реформы Уголовного кодекса (которая, кстати, уже находится в стадии практической подготовительной работы), автор подвергает критике принципы построения действующего Уголовного кодекса, доказывая необходимость реформы и излагая принципы, которые должны быть положены в основу ее.

Разумеется, не все положения автора, в основном одобренные Съездом работников юстиции, являются бесспорными. Наоборот, некоторые из них оспаривались и продолжают оспариваться с различных сторон. Сама брошюра в значительной своей части носит полемический характер. Но это не умаляет ее значения. Где речь идет о смелой, решительной реформе, о первой по сути намечке ее главных вех (к этому сводится содержание брошюры), там разногласия естественны и неизбежны. Брошюра полезна уже одним тем, что четко ставит спорные вопросы, связанные с реформой Уголовного кодекса и делает это в форме живого и доступного изложения.

Н. Л.

З. МУХИТДИНОВА. Революционная законность и бытовые преступления на Востоке. М. ГИЗ 1929 г., стр. 38, ц. 10 к.

А. НАМИТОВ. Пережитки родового быта и советский закон. М. ГИЗ, 1929 г., стр. 56, ц. 20 к.

Цель обеих книжек (первой—более популярно и кратко, второй—более подробно) ознакомить читателя с мероприятиями советской власти по борьбе с пережитками родового быта и за раскрепощение женщины на советском Востоке. Тов. Намитов отмечает основные моменты развития и распад закабаляющего женщину

родового строя, дает краткий обзор советского законодательства, касающегося правового положения женщины, а затем переходит к характеристике отдельных видов бытовых преступлений (калым, принудительный брак, двоеженство и многоженство и др.), используя при этом данные, судебной практики. Тов. Мухитдинова останавливается в своей брошюре главным образом на отдельных видах бытовых преступлений и на том, как с ними борется советский суд. Заключительная

глава брошюры касается задач женщины-активистки на местах при проведении законов о бытовых преступлениях.

К сожалению целый ряд бытовых преступлений, вытекающих из обычая родовой мести, присвоения прав органов власти служащими культа и др. остается почти полностью вне поля зрения авторов.

С. А.

ОФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ

СОДЕРЖАНИЕ: Циркуляры НКЮ №№ 126 и 123.

Циркуляр № 126.

ВСЕМ КРАЙ-, ОБЛ- и ОКРПРОКУРОРАМ.

О работе органов прокуратуры в кампании по проверке выполнения колдоговоров.

В настоящее время по Союзу проходит важнейшая хозяйственно-политическая кампания по проверке выполнения и перезаключения коллективных договоров.

Прокуратура, осуществляя надзор за соблюдением трудового законодательства, не может и не должна остаться чуждой к таким вопросам политической важности, как колдоговорная кампания.

В этой области на органы прокуратуры возлагается общая задача усилить надзор за выполнением колдоговоров в смысле более жесткого привлечения виновных за нарушения колдоговоров к ответственности. В целях осуществления этой задачи предлагается провести следующие мероприятия:

1) Установить тесную связь с органами, проводящими кампанию по проверке выполнения колдоговоров (органы НКТ, профсоюзы и рабочие бригады).

2) Принимать участие на широких рабочих собраниях по проверке выполнения колдоговоров всех крупных предприятий и объединений, в особенности там, где по сведениям имели место частые или злостные нарушения колдоговора.

3) Все поступающие сообщения профсоюзов, а равно жалобы рабочих и служащих о нарушениях немедленно проверять и, если в результате проверки будет установлен злонамеренный характер нарушения, предавать виновных суду по 134 ст. УК. Если же при наличии явного нарушения, злостность не установлена, прокуратура обязана ставить в известность о результатах расследования союзы и вышестоящую администрацию хозоргана в целях изжития в будущем этих нарушений.

4) Установить связь с редколлегиями местных фабрично-заводских и стенных газет в целях получения от них необходимых материалов по газетным заметкам, затрагивающим вопросы нарушений колдоговоров, при чем результаты расследования заметок необходимо публиковать в тех же газетах.

5) Свою работу постановкой докладов выносить на обсуждение широких рабочих собраний и профсоюзов, ставя их в известность о результатах проведенных прокуратурой мероприятий и, в частности, о результатах судебных дел.

О результатах своей работы в этой области сообщите в очередном отчете с приведением соответствующих сведений и цифр о выступлениях прокуратуры на собраниях,

о количестве привлечений к ответственности за нарушения колдоговоров и т. п.

Прокурор Республики Крыленко.
Пом. Прокурора Республики
по Труд. делам Стопани.
3 ноября 1929 г.

НКЮ № 123

Циркуляр НКТ №214, НКВД № 33

НКТ АВТОНОМНЫХ РЕСПУБЛИК, КРАЙ- и ОБЛ-ОТДЕЛАМ ТРУДА, НАЧАЛЬНИКАМ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ОТДЕЛОВ, КРАЙ- и ОБЛПРОКУРОРАМ И СУДАМ.

О порядке учета и направления на работу безработных, осужденных к принудительным работам.

В целях упорядочения учета и направления на работу безработных, которым назначены принудительные работы без содержания под стражей по судебным приговорам или постановлением административных органов, НКТ, НКВД и НКЮ РСФСР предлагают провести следующие мероприятия:

1. Судебные и административные органы должны сообщать биржам труда о безработных, осужденных этими органами к принудительным работам без содержания под стражей на срок от 1 месяца и выше, при чем в сообщениях обязательно должны быть указаны: фамилия, имя и отчество принудработника, его профессия, и, по возможности, очередной номер, под которым записан безработный на бирже труда, и назначенный ему срок работы.

2. Биржи труда по получении указанных сведений снимают указанных лиц с своего учета и сообщают в страхкассы о снятии их с пособия по безработице на весь срок отбывания принудработ.

Примечание. При получении сообщения об отсрочке отбывания принудработ для отдельных лиц биржи труда оставляют этих лиц в действующем учете и посылают на работу на общих основаниях на период отсрочки, а также на этот период восстанавливают им пособие.

3. По отбытии срока принудработ и по представлении на биржу труда соответствующей справки органа, ведающего принудработами, отбывшие их безработные снова восстанавливаются на учете бирж труда, в качестве безработных, при чем восстановление на учете рассматривается биржами труда, как новое предложение труда.

Нарядный Комиссар Труда РСФСР Романов.
И. о. Народного Комиссара Внутренних
Дел РСФСР Корнев.

Народный Комиссар Юстиции РСФСР Янсон.
31 октября 1929 г.

Издатель: { Государственное Юридическое
Издательство РСФСР.

Ответственный Редактор: Ф. М. Нахимсон.
Ред. коллегия: К. Гайлис, Н. Крыленко, Н. Немцов, Ф. Нюрина.

Москва. Главлит А 47.108.

«Мосполиграф», 16-я типография, Трехпрудный, 9.

13.500 экз.